

ВИКТОРИЯ КОЖУХОВА
ЕКАТЕРИНА ДИБРИВСКАЯ

The background of the cover features a digital illustration of a man and a woman. The man, in the foreground, has short brown hair, a beard, and is wearing a white lab coat with a stethoscope around his neck. The woman, behind him, has long blonde hair and is also wearing a white lab coat. They are both looking towards the viewer. The background is a blurred clinical setting with green plants.

БЫВШИЕ

*По осколкам
наших судеб*

Виктория Кожухова Екатерина Дибривская Бывшие. По осколкам наших судеб

<https://litres.ru/74207129>

Аннотация

– А он хорош! Жаль, что женат... – Жена не стенка, подвинется! Пробираясь сквозь толпу новых коллег, я не сразу вижу, о ком идёт речь. Встаю в первом ряду и... – Уважаемые коллеги! – объявляет зав отделением. – Поздравить вас с открытием клиники прилетел сам владелец! Прошу любить и жаловать – Антон Михайлович Богданов! Сердце пропускает удар. Уши закладывает. Чувствую, словно задыхаюсь. Пячусь и молю только об одном: лишь бы не заметил! – Алиса? – безошибочно узнаёт меня, и я замираю, глядя в знакомые до боли глаза своего бывшего. Того, кому разбила сердце. Единственного, кого любила. – Ну точно! Алиса Ковалевская! Его губы дёргаются в усмешке. Мне чудится в ней и намёк, и обещание. И я понимаю, что работать с ним будет непросто. Если вообще получится. Он не забыл. Не простил. И будет мстить.

История Лидии и Влада здесь История Сони и Алексея здесь:
Другие наши романы: Развод. Не могу сказать “прощай” – Развод.
Заставь меня влюбиться снова –

Развод. Ты убил мою любовь -

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	48
Глава 5	64
Глава 6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глава 1

Алиса

В пустынном гулком коридоре отчётливо слышны мои то-ропливые шаги. Я ужасно опаздываю. И ужасно этого не люблю. Отсутствие людей смущает. Вдруг я вообще перепутала дату? Ещё и вывеску не успели повесить... Но вот я дохожу до конца коридора и слышу гомон толпы.

Выдыхаю с облегчением, когда вижу, что все в сборе и ничего ещё не началось. Мои новые коллеги, с которыми мне только предстоит познакомиться, немного неловко разглядывают фуршетные столы, а я устремляюсь мимо них, ближе к импровизированной сцене.

– А он хорош! Жаль, что женат... – слышу совсем рядом завистливый женский голос.

– Жена не стенка, подвинется! – со смехом отвечает второй.

– Да ты только посмотри на неё! Таких не бросают!

Пробираясь сквозь толпу новых коллег, я не сразу вижу, о ком идёт речь. Встаю в первом ряду, выдыхаю с облегчением – успела! – и...

– Уважаемые коллеги! – громко объявляет заведующая отделением. – Поздравить вас с открытием клиники прилетел сам владелец! Прошу любить и жаловать – талантливейший хирург современности, добрейшей души человек, Ан-

тон Михайлович Богданов!

С широкой улыбкой к моей непосредственной руководительнице выходит красивый молодой мужчина в стильном дорогом костюме. Он... ничуть не изменился, только возмужал.

– Дорогие друзья! Не передать словами, как я счастлив и горд наблюдать вас сегодня в этом зале! – говорит он, взглядом сканируя толпу.

До дрожи знакомый голос действует на меня подобно медленному яду. Разрушает. Разъедает внутренности. Сердце пропускает удар. Уши закладывает. Чувствую, словно задыхаюсь. Пячусь задом и молю только об одном: только бы не заметил!

– Алиса? – безошибочно узнаёт меня, едва наши взгляды пересекаются, и я, словно застигнутая на месте преступления, замираю, глядя в знакомые до боли глаза своего бывшего. Того, кому разбила сердце. Единственного, кого любила. – Ну точно! Алиса Ковалевская!

Антон внимательно осматривает меня. Кожа будто воспаляется под его обжигающим, раздевающим, нахальным взглядом. Хочется прикрыться. Но вздрагиваю я совсем по другому поводу.

Рядом с ним неслышной тенью вырастает красивая молодая женщина. Его жена. Великолепная брюнетка с салонной укладкой и платьем из последней коллекции одного именитого модного дома.

Она касается его руки, но Антон, кажется, даже не обращает на это внимания, продолжая смотреть на меня. Его губы дёргаются в усмешке. Мне чудится в ней и намёк, и обещание. И я вдруг ясно понимаю, что работать с ним будет непросто. Если вообще получится.

Он не забыл нашего прошлого. Не простил моего ухода. И будет мстить, ведь теперь у него есть для этого все возможности. Он – владелец новой клиники, куда я устроилась работать буквально накануне её торжественного открытия.

Ещё две недели назад ничто, как говорится, не предвещало ни этой встречи, ни жизненных перемен, к которым я оказалась абсолютно не готова. Как обычно приехала на работу и заступила на дежурство. Даже, как сейчас помню, испытывала облегчение от того, что целые сутки мне не придется возвращаться домой. В новый дом, куда я не так давно переехала из своей небольшой квартирке, приняв предложение съехаться от своего мужчины.

Возможно, профессия наложила свой отпечаток на мою жизнь, но больше всего я любила порядок и организованность, а переезд, на который я согласилась, скорее, чтобы не остаться одной, нежели из огромного желания перейти на новый уровень в отношениях с Сашей, принёс много перемен.

Я никогда не любила перемены. Более того, перемены чаще пугали меня. В детстве любые перемены оказывались ху-

же предыдущих, поэтому, когда я выросла, я начала тщательно планировать свою жизнь на годы вперед. Конечно, судьба попутно вносила свои коррективы. Иногда приятные, иногда травмирующие, но приносящие опыт, из которого, так или иначе, складывается вся наша жизнь.

В тот день, когда моя жизнь снова переменилась, за окном ярко светило солнце. Я смотрела на больничный парк через старое окно и думала, как долго смогу убеждать себя, что смогу жить с Сашей под одной крышей. Мы прожили вместе меньше месяца, а меня уже раздражало почти всё. Я начала замечать в нём столько бесящих деталей, неведомых мне до переезда, что, казалось, однажды просто не смогу удержать их в себе и лопну.

Именно тогда в отделение поступила Нина, десятилетняя дочь главы администрации нашего города. Главврач лично осматривал юную пациентку, после чего меня вызвали в операционную для проведения вполне рядовой лапароскопической аппендэктомии. Но едва я взглянула на её показатели и бегло прочитала историю болезни, как поняла, что диагноз неточен.

Задала пациентке ряд наводящих вопросов и скомандовала коллегам:

- Готовимся к полостной операции, живо!
- Но ведь Геннадий Романович сказал...
- Вы видите здесь доктора Ткач, Ольга Олеговна? – спросила я у операционной медсестры. – Давление падает слиш-

ко быстро. У нас острый осложнённый аппендицит с перфорацией. Полостная операция сэкономит время и позволит быстрее справиться с последствиями разрыва.

Больше со мной не спорили. Всё необходимое подготовили быстро.

– Ничего не бойся, – улыбнулась я Нине. Несмотря на маску, плотно закрывающую моё лицо, она распознала мою улыбку и улыбнулась в ответ. – Скоро будешь как новенькая!

После окончания операции я вымыла руки и вышла к родителям девочки.

– Николай Григорьевич, здравствуйте! Меня зовут Алиса Андреевна Ковалевская, я детский хирург, хочу сообщить вам, что операция прошла успешно. Несмотря на осложнение, из-за которого пришлось спешно менять ход работы и проводить полостную операцию, вместо лапароскопической, мы устранили очаги поражения после разрыва аппендикса, промыли брюшную полость, провели полную санацию, наложили швы. Нина пребывает в нормальном состоянии, вскоре отойдёт от наркоза, и вас пригласят к ней в палату интенсивной терапии, где ваша чудесная дочь проведёт ближайшие сутки, после чего при отсутствии осложнений будет переведена в обычную палату.

– Она в реанимации? – растерянно спросила жена Куприянова. – Нам сказали, что резать не будут...

Я терпеливо пояснила:

– К сожалению, так бывает, что ход операции приходится

менять в процессе в случае обнаружения каких-либо осложнений. Но мы всегда исходим из предполагаемой пользы пациенту.

– Но полостная операция гораздо вреднее, чем лапароскопия? – спросила она немного упрямо.

– Ваша дочь поступила с осложнением в виде разрыва аппендикса. – ответила ей. – Всё содержимое выходило в брюшину, и могло начаться сильное воспаление.

– Почему же нам не сказали при осмотре, что это произошло? Разве это не должно быть понятно сразу? – нахмурился Николай Григорьевич.

– Симптоматика и показатели указывают на это, при внимательном осмотре пациента можно определить перфорацию, – неосмотрительно бросила я и услышала из-за спины голос Геннадия Романовича:

– Таким образом, Алиса Андреевна просто пытается вам сказать, что мы со своей стороны сделали всё необходимое для помощи вашей дочери. В ближайшее время вас к ней пустят, распоряжение я уже отдал. Проходите, пожалуйста, на второй этаж и ожидайте у отделения интенсивной терапии.

– Благодарю! – как-то чересчур сухо ответил Куприянов. – Идём, дорогая.

Чета уважаемых людей удалялась, и я смотрела им вслед, не решаясь пойти дальше по своим делам.

– Ковалевская, в мой кабинет! – прошипел главный врач. Я тихо вздохнула, предвкушая нагоняй.

Именно в тот момент, когда я сидела в кабинете главного врача, моя жизнь уже изменилась, да только я пока об этом не догадывалась.

– Вы хоть представляете, Алиса Андреевна, кто попал к вам на операционный стол?! – рвал и метал мой главный шеф. – Отдаёте себе отчёт, какие проблемы могут возникнуть у больницы, если у девочки обнаружатся какие-либо осложнения?!

– А вы отдаёте себе отчёт, какими бы проблемами обернулся для больницы летальный исход? – несколько заносчиво спросила я и поморщилась, осознав это. – Простите, Геннадий Романович. Я не собиралась грубить. Напряжение после операции...

– Вы должны были сообщить об экстренном проведении полостной операции, уведомить, как минимум, меня...

– Разве родители не подписали согласие на проведение всего необходимого комплекса услуг, направленных на помощь их ребёнку? – всплеснула я руками, совершая очередной промах. – Как хирург, я оценила все риски и приняла решение, полностью соответствующее течению заболевания. Вы не можете упрекнуть меня в совершении врачебной ошибки. Если бы диагноз был более точным...

Главный врач с лицом багрового цвета с силой ударил по столу и холодно процедил:

– Вы отстранены от проведения операций на две недели, Ковалевская! И молитесь, чтобы Куприяновы не подали на

вас жалобу в прокуратуру, иначе плакала ваша блестящая карьера. Ступайте.

Я закусила язык, чтобы не вступить в конфликт с начальником. Было у меня несколько фактов, которые я уж очень хотела ему предъявить. Но кому бы сделала хуже? Понятно, что только себе. Поэтому я смиренно кивнула и покинула его кабинет.

Уже под конец смены зашла проверить показатели Нины и столкнулась в реанимационном отделении со своей заведующей.

– Алиса, можно тебя на пару слов?

– Конечно, Елена Викторовна, – вздохнула я.

Мы вышли в пустынный ранним утром холл и сели на диванчики среди многочисленных горшечных растений.

– Я слышала, что Ткач весьма недоволен тобой, Алиса, – без хождения вокруг да около начала заведующая отделением детской хирургии. – Отстранил тебя от операций. Ничего не хочешь мне рассказать?

Постаравшись отключить эмоции, я поведала ей сухую выжимку о произошедшем, и Елена Викторовна вздохнула:

– Так я и знала, что старый плут снова возьмётся за своё! Года три-четыре назад у нас работала Света Горликова. Ситуация произошла почти один-в-один, Ткач сначала отстранил её от операций, потом просто выжил из больницы. Не может наш светила терпеть, когда кто-то из сотрудников смеет указывать на его ошибки!.. Боюсь, что и сейчас будет дей-

ствовать по той же схеме, не даст он тебе работать спокойно.

– Я же ничего не сделала! – обиженно фыркнула я. – Действовала так, как того велела ситуация. Пациент в полном порядке, скоро пойдёт на поправку...

– Здесь Романыч царь и бог. – перебила женщина. – И поверь моему опыту, такого он не прощает.

– Прекрасно! И что мне прикажете делать? Извиняться за то, в чём нет моей вины?

– В Саратове открывается новая частная клиника. Моя однокурсница и очень хорошая знакомая там заведующая хирургией. Уходи туда, Алиса, пока Ткач не испортил твоё резюме. Ты молодой перспективный специалист, работа там спокойнее, зарплата куда выше. А я отрекомендую тебя по полной.

Чувствуя неприятный холодок внутри, я спросила:

– Вы правда считаете, что всё настолько плохо? Что мне действительно лучше уйти?

– Мне очень жаль терять такого ценного хирурга, правда. Но я прекрасно помню, как уходила Света... Поэтому надеюсь, что ты прислушаешься к моему совету.

Три дня мучительных раздумий, долгие разговоры с Сашей, и я приняла решение попытать удачу на новом месте. Несколько стандартных собеседований лишь убедили меня в правильности этого выбора. Меня всё ещё пугали перемены, но теперь работа в современной клинике с новейшим оборудованием казалась огромным шагом вперёд.

И вот, спустя три недели после операции, внесшей коррективы в мою привычную жизнь, я стою в этом великолепном холле и смотрю в глаза своему бывшему, а прошлое, запертое в огромный сундук в недрах моей памяти, с треском прорывается наружу.

Прошлое

Сентябрь. Первый курс. Я так много работала, чтобы оказаться здесь, чтобы сидеть в первых рядах лучшего медицинского университета Москвы! Пока одноклассники стараются найти себе компанию по интересам и побыстрее перезнакомиться со всеми, я сижу напротив преподавательского стола и изучаю выданный перед первой парой список учебников. Как много предметов предстоит изучить!..

– Привет, здесь не занято? – гроыхает над головой мужской голос.

Я торопливо убираю сумку с соседнего стула, испытывая смущение. Симпатичный, смазливый даже шатен со смеющимися глазами и ямочками на щеках. И зачем ему садиться рядом со мной, если ещё так много свободных мест?

– Свободно.

– Отлично, – улыбается он. – Антон Богданов.

– Алиса, – представляюсь я. – Ковалевская.

– Красивое имя. Надеюсь, ты не из тех Алис, кто бросается в нору за первым попавшимся белым кроликом? – каламбурит парень, вызывая у меня улыбку.

– Пока ни одного не встречала, – отвечаю, чувствуя, как

жар приливает к щекам. И почему мне кажется, словно Антон говорит вовсе не о сказке и не о кроликах?

– Прекрасно, – нахально подмигивает он мне. – Тогда я буду твоим первым!

Глава 2

Антон

– Милый, всё хорошо?

– Да-да, всё просто прекрасно, – задумчиво отвечаю жене, не сводя взгляд со своей бывшей.

Алиса Андреевна, мать её, Ковалевская. Сука, испортившая мне всю жизнь.

– Ай, больно! – шипит Софья. – Ты слишком сильно сжал руку, отпусти!

Тяжело вздыхаю и разжимаю хватку. Бросаю глухо:

– Прости.

Моя жена Софья обиженно поджимает губы, но тут же вынужденно улыбается. Потому что иначе нельзя. Ведь мы сейчас находимся под пристальным вниманием сотен людей. Мы открываем филиал клиники в Саратове, и это большое событие. Все стремятся меня поздравить, я улыбаюсь каждому в ответ, но не чувствую ни малейшей толики счастья. Потому что “Клиника семейного здоровья доктора Богданова” только считается моей. По документам же всё оформлено на Софью. Чёрт бы побрал её папочку с непременным условием брачного контракта!

Кроме того, мой взгляд то и дело соскальзывает на Алису, которая тихой тенью стоит неподалёку и, кажется, отчаянно желает уйти отсюда. Как она умудрилась попасть в мою кли-

нику? Это очень интересный вопрос.

Каждый раз, когда я вижу её хрупкую тоненькую фигурку, меня окатывает волной гнева. Слепого и беспощадного.

Я так её любил. Так жаждал быть с ней. И она была моей, недаром мы встречались с самого первого курса. Я думал, что так будет всегда, но внезапно она уехала. И мне снова пришлось ждать, надеяться, что она вернется.

Как она говорила? “Давай проверим свои чувства?” Мне и тогда показалось это бредом, но я промолчал, надеясь на её благоразумие.

А потом Алиса просто исчезла. Так, словно её и не было. Словно она мне приснилась.

А теперь я вижу ее, стоящую в толпе людей, пытающуюся скрыться от меня.

Сухо усмехаюсь. Ну уж нет, дорогая, когда-то ты растоптала моё сердце. И теперь я верну тебе всё сполна.

Как там говорится? Месть нужно подавать холодной? Это именно тот случай.

– Ты сегодня слишком рассеянный. Соберись, – слышу ровный голос супруги.

– Да, прости, милая, – привлекаю Софью к себе и целую её в щёку.

Сегодня она снова придёт ко мне ночью, я уверен в этом. Желая близости, как она это называет. А я не помню момента, когда я с удовольствием трахал её.

Мельком оглядываю свою жену. Её можно назвать иде-

альной. Обладательница хорошей фигуры и красивого лица, дочка знаменитого пластического хирурга, она сдержанна, элегантна и умеет подать себя. Настоящая светская леди, связи которой простираются далеко за пределы России.

Даже занялась благотворительностью. Таким образом оказывает финансовую поддержку тяжелобольным людям, которых мы лечим в своих клиниках. У Софьи вся жизнь расписана наперёд, всё улажено. И у меня тоже.

Обнимаю её за талию, а Софья жмётся ко мне. Янтарные глаза в обрамлении пушистых ресниц вспыхивают едва сдерживаемым желанием.

– Дорогой зять, – с широкой улыбкой подходит ко мне Яков Самуилович, отец Сони. Похлопывает меня по плечу и произносит:

– Поздравляю с очередной открытой клиникой! Вы с Со-
нечкой большие молодцы!

– Спасибо, Яков Самуилович! – широко улыбаюсь ему в ответ.

“Чёртов ублюдок”.

Его поздравление звучит как насмешка. Вся сеть клиник записана на Софью, я же здесь просто номинальное лицо, которое, конечно же, не лишено таланта.

– Надеюсь, что дальнейшая судьба филиала клиники будет такой же, как и у остальных наших “детищ”, – вновь похлопывает меня по плечу Яков Самуилович.

Мне хочется сбросить его наглую руку, но я лишь улыба-

юсь.

Конечно, я удачно женился. С этим трудно поспорить, учитывая, какая Соня красавица, как сильно меня любит и какая за ней власть стоит. Но я всё же тешу себя надеждами, что когда-нибудь открою собственную клинику, хозяином которой буду не только номинально, но и по документам.

Сильнее сжимаю талию Сони, целую её в щёку. Почти автоматически.

И хочу быстрее закончить этот фарс. Везде так много незнакомых радостных лиц, что меня почти тошнит от этого. Хочется напиться и забыться.

Но, конечно же, сделать мне этого не дадут.

Уже вечером, когда мы с женой заходим в свой стильный гостиничный номер – президентский люкс, она обнимает меня и шепчет:

– Антон...

Я знаю, что значит этот шёпот. Она хочет близости, истосковалась по моей ласке. Но я лишь отцепляю от себя её настойчивые руки и нежно произношу:

– Дорогая, давай я приму душ и немного выпью. Устал.

– Да, конечно! – быстро подхватывает Соня, улыбнувшись мне. – Только, может быть, ты выпьешь после?..

Вяло киваю головой и быстро прохожу в ванную.

Она сама ненавидит заниматься сексом, не помывшись,

не почистив зубы. Мы спим в темноте, в миссионерской позе. Её раздражают мои стоны. Мы не трахаемся, мы, по её словам, занимаемся любовью.

Соня всегда сдержанная. Чистая. Благородная. Даже в постели, кажется, что она приносит себя в жертву.

“Хотя кончает справно, что уж тут скажешь... Ведь делаю всё я, – мрачно усмехаюсь, глядя на себя в зеркало. – Сука, даже минет никогда не сделает... Вид моего члена приводит её в ужас, а от того, чтобы взять в рот, Соня приходит в ужас!”

Мрачно смотрю на себя в зеркало. Я торговал лицом в новой клинике, работал. И теперь мне нужно поработать ещё и в постели.

– Да я чёртова шлюха, – бормочу себе под нос и, открыв кран, умываюсь холодной водой.

Но даже зажмурив глаза, всё ещё вижу удивлённое лицо Алисы, которое, кажется, отпечаталось на сетчатке. И уже знакомое чувство злобы вспыхивает в моей душе, вытесняя оттуда усталость.

Эта сука ещё пожалеет, что пришла ко мне работать. Она меня узнала, это точно. Прекрасно осознаёт, значит, последствия своего предательства.

Конечно, меня раздражает такая моя реакция на неё. За эти годы я, кажется, научился жить не эмоциями и чувствами, а разумом. И теперь, стоило её взгляду столкнуться с моим, во мне вновь бурлит то, что я бы предпочёл в себе похо-

ронить.

Гнев. Боль. Ярость. И ненависть.

– Дорогой, я жду тебя!

Крик Сони, донёсшийся из спальни, заставляет меня вздрогнуть. И вернуться из своих тягостных мыслей в настоящее.

Закрываю холодную воду и выхожу из ванной в общий зал. А оттуда следую напрямик в спальню. Соня уже сидит на постели, с улыбкой смотрит на меня.

Она завораживающе красива. Тонкая талия, широкие бёдра, длинные ноги, аппетитная задница и высокая грудь... Всё это просвечивает через прозрачную ночную рубашку. Свет от ночных бра подсвечивает всю картину, дополняя её и делая соблазнительней.

Приподнимаю бровь. Для человека, который предпочитает заниматься сексом в крошечной темноте и под одеялом, это довольно смелый наряд. Соня не глупая и быстро понимает мой взгляд. Тихо смеётся и тянет ко мне руки:

– Мне показалось, что сегодня ты был особенно напряжён. Всё дело в отце? Он слишком сильно давит на тебя?

– Всё в порядке, – принимаю её руку. Кожа у Сони нежная, тонкие ручки с маленькими запястьями так и манят целовать их... Нежно прикасаюсь губами к ним, не желая отказывать себе в этом удовольствии...

“У Алисы всегда была грубая покрасневшая кожа на руках, потому что в их квартире не было стиральной машин-

ки. Ей приходилось стирать бельё самой. В холодной воде, потому что горячую отключили за неуплату. А отец продал машинку, а деньги пропил...”

– Дорогой? – доносится до меня удивлённый голос Сони.
– Ты почему застыл?

Вынырываю из своих воспоминаний и выталкиваю из себя резкое каркающее:

– Ничего. Идём уже в постель.

Валю Соню на постель, быстро избавляюсь от надоедливой рубашки, которая никак не желает задираться. Соня молчит, не позволяя себе ни единого стоны, когда я развожу её ноги. Пожалуй, резче, чем собирался.

И даже не вскрикивает, когда я вхожу в неё, уже распалённый и возбуждённый. Но, кажется, не от неё, прекрасной и обнажённой, а от воспоминания о грубых руках, прикосновения которых обжигали горячее самой раскалённой стали.

Алиса

Домой прихожу выжатая, словно лимон.

Вечер, наполненный улыбками, знакомствами и смехом, пролетел так быстро, что я не заметила. А чужие лица заменили лицо Антона, которое, кажется, отпечаталось на сетчатке моих глаз.

Как я могла так ошибиться? И как теперь выпутываться из этой ситуации?

Прекрасно же понимаю, что работать под началом Антона не смогу. Он теперь величина, а я... Несмотря на все свои

таланты, даже удержаться на предыдущей работе не смогла. Хотя это, конечно, не моя вина, тут и ежу понятно.

Прохожу из коридора в зал и застываю на месте. Саша, прикрыв глаза, сидит на диване и смотрит телевизор. В руке у него банка пива.

Одно упоминание алкоголя в разговоре всегда вызывает во мне чувство омерзения. А вслед за омерзением идёт страх. Я, как та собака Павлова, уже на уровне рефлексов осознаю, что за одним всегда следует другое.

“Выпил – ударил”.

Этот горький опыт я вынесла из общения с пьющим отцом, который никогда никого не жалел. Ни себя, ни окружающих.

И лицезреть Сашу, который внезапно решил выпить, совсем не хочется. Мы с ним только недавно съехались после трёхлетних свиданий. И он казался мне положительным.

Имел за плечами неудавшийся брак и сына Никиту. Когда последний попал в больницу, мы и познакомились.

“Мне казалось, что я никогда не разлюблю Антона. Но сегодня я поняла: достаточно одного лишь вечера, чтобы оживить казавшиеся мёртвыми воспоминания”.

Качаю головой. Нет, прошлое мертво, и не должно воскресать. Я сама бросила Антона, сама разрушила наши отношения. Да, возможно он будет мстить. Такой уж у него характер. Но ничего. Мне всего лишь нужно уволиться.

– Зайка, ты уже дома! – Саша вскакивает с дивана, ставит

банку пива на стол и стремительно подходит ко мне. Характерный запах доносится до меня, и я уклоняюсь от его поцелуя.

Александр застывает. Его обиженное лицо становится виноватым.

– Ох, прости-прости... – суется он. – Я забыл, малыш... Сейчас выкину эту гадость!

Натягиваю улыбку на непослушные губы и прохожу на кухню.

– Как твой тендер? Выиграли?

– Да! Вот поэтому и отмечаю. Победа, малыш! – ликует Александр. – Босс обещал премиальные, всё-таки я лично занимался этим...

Киваю головой. Его слова доносятся до меня словно сквозь толщу воды. Стресс, прошлое, накатившее подобно огромной морской волне, усталость – всё смешалось во мне. И я еле стою на ногах.

К счастью, Александр всегда был чутким к моему состоянию. Он обходит меня со спины, осторожно прикасается руками к плечам и тихо произносит:

– Я вижу, что ты еле держишься. Как насчёт душа и сна?

– А я ещё не рассказала тебе...

– Все новости подождут! Главное – это твоё состояние.

Легко улыбаюсь и киваю. За эту чуткость я готова простить ему даже это пиво, один лишь запах которого пробуждает во мне отнюдь не радостные воспоминания.

Прошлое

Я мечтала вырваться на волю со времён средней школы. Не понимала, почему мать терпит побои и унижения от отца. Что за тяга такая к разрушению себя, своей жизни, жизни собственного ребёнка?

Когда подросла и отец перекинулся с тумаками на меня, сидела в школе до закрытия и всё зубрила-зубрила-зубрила учебники. Ещё не знала, куда поеду учиться, куда лучше поступать. Но знала, что вырвусь из такой жизни.

В один из таких дней, когда я училась в шестом классе, пьяный отец неудачно толкнул маму. Убил. Причинение смерти по неосторожности – сказали они. Равнодушные взрослые, которые должны были это остановить, пока не стало слишком поздно.

Отца посадили на какие-то смешные четыре года. Ко мне перебралась старенькая бабушка, его мать. Пожалуй, она была первым взрослым, кто заботился обо мне. Бабуля продала свой нехитрый скарб и домик в деревне, собрала оставшиеся вещички и переехала жить ко мне. Квартира впервые за всю мою жизнь увидела ремонт, новенький холодильник был полон еды, в моей комнате появился простенький компьютер и собственный небольшой телевизор, а в ванной – современная автоматическая стиральная машинка.

Глядя, как преобразается наше ветхое жилище, я воспряла духом... и начала учиться лучше прежнего. Бабуля оплачивала мне репетиторов, умудрялась вести хозяйство и от-

кладывать деньги мне на вуз.

Несмотря на трагичные события в недавнем прошлом, моя жизнь наконец начала казаться нормальной. Я стала обычной девочкой-подростком, с обычными школьными проблемами, вроде зазнаек-одноклассниц и первой неразделённой любви. Это были лучшие четыре года моего детства. Оказалось, не были, а лишь казались.

В тот день, когда моя жизнь снова рассыпалась как картонный домик, я с самого утра уехала на районную олимпиаду по биологии. Отпросилась у бабушки погулять немного в городе, очень хотела сходить в кино. Вернулась уже поздним вечером, на рейсовом автобусе. В квартире не горел свет.

Дверь была приоткрыта. Липкий страх пробежал вдоль позвоночника, но я шагнула внутрь тёмного коридора. Включила свет. Позвала бабушку. Она не откликнулась.

Я нашла её в зале. Рядом валялась пустая коробка, где ещё утром хранились её накопления, приличная для нас сумма в триста тысяч. А в моей комнате спал в умат пьяный папаша, уже успевший отметить своё освобождение.

“Острая сердечная недостаточность, – сказали они. – Следов насильственной смерти нет”.

Равнодушные взрослые равнодушно смотрели, как моя жизнь трещит по швам, рассыпается. Но никто из них не предложил своей помощи. Мне было шестнадцать, когда они оставили меня один на один с отцом-алкоголиком и всеми навалившимися проблемами. И до самого выпускного я жи-

ла в крошечном аду, который на всю жизнь будет ассоциироваться у меня со стойким тошнотворным запахом спиртного.

Именно об этом я вспоминала, стоя на вечеринке в клубе на день посвящения в студенты. С отвращением смотрела, как мои новоиспечённые однокурсники заливаются рюмочками и бокалами, как превращаются в единую танцующую массу, и всё плыло перед глазами. Страх, с которым я жила последние полтора года, страх, с которым я засыпала и просыпалась, не поддавался контролю.

Держась за стенку, я медленно пробиралась в сторону выхода, стараясь никого не задеть. Маловероятно, что это привело бы к побоям, но рисковать я не собиралась. Однако на меня всё равно кто-то налетел.

– Ой, извини! – тут же услышала вежливое, а спустя мгновение узнала в обернувшемся парне Антона Богданова, которого больше не встречала с того, самого первого дня.

Увидев меня, он заулыбался:

– Привет, Алиса! Прости, что налетел на тебя, там устроили фонтан из шампанского, а я просто пытался побыстрее свалить от брызг.

– Ничего страшного, – поспешила заверить его, с удивлением принохиваясь. От одноклассника не несло алкоголем за версту. От него вообще ничем не пахло. Только сдержанными нотками мужского парфюма.

– Уже уходишь? – поинтересовался он.

– Да. Слишком много веселья, – ответила, махнув рукой в сторону беснующейся толпы.

– Могу я проводить тебя, Алиса? – спросил Антон и замер в ожидании ответа. Казалось, даже не дышал, пока я раздумывала, насколько уместно будет принять его предложение. Так ничего и не надумав, я легонько кивнула, положившись на его решение. Он резко выдохнул мне в лицо и ослепил широкой улыбкой. – Отлично. Нечего такой красавице одной бродить.

По дороге к общежитию я, по большей части, отмалчивалась. Благо, Антону было что рассказать за десятерых! Побоявшись показаться невежливой, я внимательно слушала его и вскоре знала, что он – сын знаменитого хирурга Михаила Евгеньевича Богданова; что мама Антона, Алла Юрьевна, домохозяйка, настоящая хранительница очага; а сам Антон хочет построить не менее блистательную карьеру, чем его отец. Амбициозность парня сразу понравилась мне. В этом мы были близки, несмотря на то, что шансов устроиться на приличное место работы у Богданова было куда больше, чем у меня, безродной девки из глубокой провинции, которая чудом попала в лучший мед страны.

Слушая однокурсника, я не сразу заметила, что мы второй или даже третий раз проходим в одном и том же месте, а потом бросила взгляд на часы и ахнула:

– Блин, комендантша через двадцать минут закроет двери!

– Только не сегодня, – мягко рассмеялся над моим перепуганным лицом Антон. – Ты же видела, все ещё тусят в клубе.

– И всё равно мне лучше поскорее вернуться в общежитие, – больше из-за упрямости и неловкости возразила я ему.

– Как скажешь, – с легкостью отозвался он. – Хотя я не против погулять с тобой ещё.

– В другой раз, – не смогла сдержать улыбки. Его прямота была очаровательной, хоть и до чёртиков пугала меня.

– Ловлю тебя на слове! – усмехнулся парень.

Возле дверей общежития он протянул руку, вряд ли не зная, а скорее, намеренно игнорируя правила хорошего тона. Но я, конечно, ничего не возразила в ответ. Быстро вложила кончики пальцев в его раскрытую ладонь, намереваясь побыстрее отделаться от ненужного физического контакта. Но неожиданно Антон накрыл мою руку свободной рукой. Тепло его ладоней подействовало на меня подобно разряду тока. Словно я коснулась огня, и пламя опалило кожу, не причиняя боль.

Удивлённо подняла глаза к лицу парня и увидела то же ошеломлённое выражение. Но Антону быстрее удалось взять себя в руки.

Он тихо сказал, поглаживая мою кисть:

– Думал, ничто не сможет уже исправить этот вечер, но мне повезло встретить тебя. Нужно обязательно повторить.

– Хорошо, – кивнула я, словно загипнотизированная его

взглядом. – Обязательно нужно.

А потом случилось то, чего я никогда не смогла бы даже представить.

Антон быстро склонил голову, будто собирался понюхать мои волосы, и аккуратно поцеловал мою макушку. Сердце сделало кульбит, и я покраснела. Казалось, всё моё тело – от пресловутой макушки и до самых пят – сгорало в том пламени.

Я осторожно вытянула свою руку из его хватки и пустилась бежать.

Глава 3

Алиса

Утром, в первый рабочий день, меня трясёт. Всё буквально валится из рук. Выкладывая на Сашину тарелку яичницу, я неловко дёргаю рукой и едва ли не переворачиваю горячий белок с жидким желтком на себя.

– Что-то ты сегодня разнервничалась, – замечает мой... мужчина. – Мандражируешь перед выходом на новую работу?

– Немного, – говорю ему.

Безбожно вру. Я боюсь выходить на работу. Внутренне содрогаюсь перед встречей с Богдановым. Хотя умом-то я понимаю, что птица такого высокого полёта вряд ли проверяет сам лично каждого сотрудника. Если верить интернету, у Антона теперь сеть клиник. Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Смоленск, Самара... теперь вот и Саратов... куда ему следить за всем самостоятельно? Наверняка в главных врачах ходят настоящие профи, светила медицины, на которых Антон может полностью положиться. А надеяться, что он останется из-за меня... глупо и нелепо.

Однако я всё равно переживаю. И хочется встретиться с ним в менее официальной обстановке, и боязно. Не могу даже представить, каким человеком он стал, на что пойдёт лишь бы отыгаться надо мной за то прошлое, о котором мне

никогда не хотелось вспоминать.

Казалось, оно растворилось во времени, унесло всю боль и слёзы. А теперь снова предстало передо мной во всей своей неприглядной красе.

– Всё будет хорошо, вот увидишь, – говорит Саша, поднимаясь. Забирает у меня сковородку и лопатку, бегло целует в лоб. – Ты самый лучший хирург, никогда в этом не сомневайся. Они будут трижды дураками, если не вцепятся в тебя, Лисичка.

Я улыбаюсь мужчине. Мне бы его уверенность!

– Спасибо за поддержку, Саш.

– Ну что ты, родная, я всегда с тобой. И всегда – за тебя.

Он тянется ко мне губами, и я позволяю ему это. Позволяю начать поцелуй, углубить его. Не чувствую абсолютно ничего. Нет огня. Нет даже малейшей искорки. Там, где выжженная степь, больше не отыскать чувств, как не старайся.

– Буду собираться, – говорю, стоит Саше сделать крошечную паузу. – Не хочу опаздывать в первый рабочий день.

– Конечно, солнышко, – улыбается он, старательно не замечая подвоха. Ненавижу себя за то, что позволяю ему любить, так сильно, за нас двоих, тогда как сама я не испытываю ни малой толики этого чувства. Пустыня в моей душе просто не может расцвести вновь.

Устроившись в душном салоне, моментально начинаю жалеть о броском макияже. Идиотка, просто круглая идиотка! И зачем вырядилась? Перед кем собралась красоваться?

С досадой ударяю по рулю и завожу машину. Пытаюсь, но двигатель издаёт странный свист и отказывается работать.

– Прости, – бурчу себе под нос. – Машинка, давай не сегодня, ладно? Не подводи меня!

Саша давно предлагал сменить мне авто, но я упиралась. Эту машину я купила сама, поддержанную, старенькую, но я копила на неё так долго, откладывая каждую копейку с подработок. Точнее, не на неё... Но это уже совсем другая история.

Маленькая пежошка пришла ко мне в ужасном состоянии, но отвлекла своими бесконечными проблемами от моих собственных. Занимаясь её ремонтом, я забывалась, выходила хоть ненадолго из скорлупы своего необъятного горя. А теперь, наверное, просто не могла предать верного железного “друга”.

После пяти минут мольбы она наконец заводится. Довольно фырчит, пока я изучаю себя в зеркале. Макияж не поплыл, и я выдыхаю с облегчением. А потом торопливо убеждаю себя, что Богданова я в клинике не увижу, а наряжалась – чисто для себя.

Собрав все, даже отродясь не существующие пробки, я паркуюсь у свежееотремонтированного здания клиники, под знаком “Только для сотрудников”. Смотрю на часы и поджигаю губы. Рабочий день начался ровно две минуты назад. Влетаю в просторный холл и тут же врезаюсь в сильное и горячее мужское тело.

– Извините, – бормочу я. Поднимаю глаза и натыкаюсь на насмешливый взгляд своего бывшего. – Добрый день.

– Не такой уж он и добрый, если все мои сотрудники возмут в привычку опаздывать, – говорит он.

– Пробки, простите, – пожимаю я плечами. – Вам ли не знать, что это такое, Антон Михайлович. Уж в столице этого добра как грязи!

– Если выезжать заблаговременно, никакие пробки нестрашны, Алиса Андреевна, – с задором отвечает он. – На первый раз, так и быть, прощаю, но впредь попрошу не опаздывать. Ровно в восемь я, как правило, провожу пятиминутку с отделом хирургии. В ближайшие три месяца все хирурги этой клиники ровно в 8:00 должны сидеть за круглым столом в конференц-зале, учтите это.

– Учту, – серьёзно киваю ему. – Этого больше не повторится.

Я осторожно обхожу мужчину и иду по длинному коридору в направлении лифтов. Не слышу его шагов за спиной, поэтому вздрагиваю, когда он гаркает над самым ухом:

– Наденете форму позже, все ждут только вас.

– Как скажете, Антон Михайлович, – сухо произношу я, задерживая дыхание. Из трёх лифтов распаивается именно самый маленький. Да что ж так не везёт!

– Прошу, Алиса Андреевна, – шутливо отвешивая реверанс, указывает на него доктор Богданов. – Карета подана.

Я захожу внутрь и поворачиваюсь лицом к выходу. Следом

заходит Антон. Нажимает кнопку нужного этажа левой рукой. Стоит ко мне лицом, буравя меня тяжёлым взглядом.

Тесная кабина лифта, будто специально, еле тащится. Мне катастрофически не хватает кислорода. Я вдыхаю воздух, но лёгкие переполняются обжигающим и знакомым до мурашек запахом. Запахом Антона, мать его, Богданова.

Когда-то он был моим воздухом. Моим всем. А после него остался лишь незаживающий след. Такое не лечится классической медициной.

Делаю крошечный вдох. Его запах оседает в носу, касается вкусовых рецепторов, расплзается по языку и оседает на гортани. Делаю ещё один – запах проваливается в пищевод, ухаёт приторно-сладковатым вкусом в желудок, вызывая болезненный спазм.

Чем чаще я вдыхаю, тем больше наполняюсь им. Переполняюсь. Того и гляди, лопну. Или он полезет из ушей.

Чем чаще я дышу, тем чаще дышит и сам Богданов. Я стараюсь не думать почему.

Но вот, наконец, лифт дрожит и замирает. Секунды до раскрытия дверей кажутся мне нескончаемыми. Антон чуть склоняет голову к моей макушке и жадно вдыхает воздух.

Мой запах.

Я перебарываю желание крепко зажмуриться. Створки лифта открываются. Раздаётся характерный писк. И я трусливо протискиваюсь мимо Антона. Сбегаю. Как и тогда.

По закону подлости единственным свободным местом за круглым столом оказывается стул рядом с креслом начальника. Поэтому с разницей в несколько секунд мы с Антоном снова оказываемся в пугающей близости.

Я чувствую его взгляд, прожигающий дыру в моём виске. Ощуаю его тяжёлое дыхание всеми фибрами души. Но не решаюсь посмотреть в ответ.

– Доброе утро, уважаемые коллеги! – говорит он. – Сегодня я хочу, чтобы мы все познакомились поближе. Поэтому попрошу каждого из вас представиться и рассказать нам немного о себе. Начнём, пожалуй, с меня и пойдём по часовой стрелке. Антон Михайлович Богданов, имею обширную практику в проведении различных операций, преимущественно, кардио-торакальной хирургии. Но у меня имеется опыт практически во всех областях. Люблю совершенствоваться, без страха изучаю что-то новое.

– Скажите, доктор, вы женаты? – кокетливо спрашивает дама весьма за сорок.

– Если я отвечу на этот вопрос, то вынужден буду просить всех уточнить данный момент, – шутит Богданов. Или не шутит. – Женат, детей нет, на больничный ходить не придётся. Следующий!

– Здравствуйте! Меня зовут Любовь Дмитриевна Васюткина, хирург общего профиля, – представляется женщина по левую руку от Антона. – В основном, имела дело с малоинвазивными операциями, но готова совершенствоваться. Не

замужем. Имею дочь студентку первого курса, тоже будущего хирурга.

Каждый из моих новых коллег по очереди представляется и не забывает о нелепом дополнении про семейное положение.

Я закатываю глаза. Спасибо, блин! Вот кто её за язык тянул?

Мысленно репетирую свою коротенькую речь. Особенно, ту её часть, где вынуждена сказать “не замужем, детей нет”. Сказать, желательно, так, чтобы это не звучало жалко.

– И последнее знакомство на сегодня, – произносит Антон, задевая кончиками пальцев мою кисть.

Меня кидает в жар. Я резко поднимаю глаза на мужчину, но Богданов не смотрит на меня. Всё выглядит невинной случайностью, но я не могу отделаться от мысли, что то было намеренное действие с его стороны.

– Здравствуйте всем, коллеги! – быстро произношу я, хотя кровь шумит в висках. – Алиса Андреевна Ковалевская, детский хирург, не замужем, детей нет.

Голос предательски дрожит под конец. Простая, обыденная фраза, с такой лёгкостью произнесённая Богдановым, имеет для меня совершенно иной смысл.

Словно почувствовав моё смятение, Антон переводит взгляд на меня. Мне нечего ему сказать. Любые слова ничтожны, потеряли смысл, утратили ценность. Может, и к лучшему, что ему не пришлось переживать это вместе со

мной. Вот и сейчас говорить ему о том, что даже не было его выбором, не стоит. Это навсегда останется моей тайной.

Антону совершенно не нужно знать, что сейчас у него могла бы быть пятилетняя дочь. Потому что её нет.

Сердце привычно сжимается от горя. Чувствуя подступающую к глазам влагу, поспешно отвожу взгляд вверх и в сторону. Надеюсь, что в самое ближайшее время Богданов отпустит нас с пятиминутки. Мне невыносимо находиться рядом с ним и думать о том, какой была бы сейчас наша малышка.

– Спасибо за знакомство, коллеги, – говорит Антон. – Можете возвращаться по своим рабочим местам. Чуть позднее я обрисую вам фронт задач на сегодня.

Едва он произносит эту фразу, я резко вскакиваю и тороплюсь уйти. Иду напрямиком в женский туалет, закрываюсь в кабинке, прислоняюсь к дверце спиной, с силой зажимаю рот и беззвучно кричу, позволяя себе на одно крошечное мгновение снова стать слабой, сломленной и убитой горем женщиной, чей ребёнок умер практически сразу после рождения.

Прошлое

– Привет, Алиса, – услышала над собой и привычно убрала с соседнего стула сумку. Антон плюхнулся рядом, накрыл мою руку своей. – Какие планы на выходные?

Октябрь близился к завершению. Я слышала, что ребята планируют устроить фееричную костюмированную вечеринку по случаю хэллоуина, но сама идти туда не собиралась.

Даже если бы меня кто-то пригласил.

– Планирую выспаться, посмотреть фильм о транспозиции внутренних органов, который рекомендовал профессор Селезнёв, приготовить что-нибудь и никуда не выходить из общаги. Погода – редкостная гадость, но ты непременно сходи на вечеринку. Потом расскажешь мне все последние сплетни.

– Ты такая классная, Алис! – усмехнулся он. – Но у тебя ничего не выйдет.

Я отвлеклась от чтения “Анатомии человека” и перевела взгляд на парня.

– Что именно у меня не выйдет?

– Не выйдет запихнуть меня во френдзону, – мило улыбнулся он, на что я лишь закатила глаза.

– А у тебя не выйдет уговорить меня идти на эту тусовку, так что даже не трудись.

– Эй, вообще-то я даже не планировал! – притворно возмутился он. – Хотел придумать нам что-то прикольное.

– Ага, конечно! – фыркнула я.

Больше месяца я ждала какого-то подвоха. Ну зачем такому мажору ошиваться рядом с кем-то вроде меня? Я подозревала, что он попросту поспорил с кем-то из дружков, что завалит меня в постель, поэтому соблюдала дистанцию и берегла свои границы от его поползновений.

– Серьёзно, Алис. Окей, если ты мне не веришь, то... – Он поднялся и спросил на всю аудиторию: – Эй, народ! Кто-

нибудь из вас приглашал меня на вечеринку?

– Да сто раз! – крикнул Димка, один из приятелей Богданова.

– А я что?

– А ты, если вдруг забыл, стал каблуком! – заржал другой его приятель, Макс.

Антон упал обратно на стул и со смешком спросил:

– Убедилась? Я не собирался туда идти. Знал, что ты не пойдёшь и сразу отказался.

– Зря отказался, – улыбнулась я. – Ведь, как ты наверняка помнишь, я не планирую никуда выходить из общаги.

Антон лишь ухмыльнулся на мои слова. Тогда я не верила, что он – сам Антон Богданов, от которого тащились все девчонки на потоке, – действительно способен отказаться от классной вечеринки. Думала, сейчас пустит мне пыль в глаза, а потом, когда поймёт, что я правда не собираюсь видаться с ним в выходные, даст положительный ответ парням.

Но в субботу, стоило только моим соседкам выскочить за порог, а мне с удобством расположиться на койке в обнимку со стареньким планшетом, купленным для учёбы с рук за копейки, со стороны окна раздался какой-то стук.

Моя комната располагалась на третьем этаже женского общежития, поэтому я отмахнулась от этого звука и включила фильм.

Однако стук повторился.

А следом раздался тихий голос:

– Эй, Ковалевская, может, ты меня ужепустишь? Не хотелось бы, чтобы так нелепо оборвалась моя жизнь! У меня, знаешь ли, на неё ещё были планы...

Я кубарем свалилась с кровати, запутавшись ногой в одеяле. Сразу же бросилась к окну.

За стеклом увидела довольную донельзя рожу Богданова и ахнула:

– Ты совсем спятил?!

Распахнула створки настежь, и он кулем ввалился в комнату. Достал из-за пазухи помятый букет ромашек и протянул мне:

– От сердца и почек дарю я цветочек! – продекламировал так громко, что я зацыкала:

– Тише, Богданов!!! Хочешь, чтобы меня из-за тебя выселили?

– Такая ты трусишка, Алис, – ухмыльнулся он. – Да ваша комендантша парней за три сотки пускает в общагу! А ещё говорят, что любовь нельзя купить за деньги!

– То есть ты считаешь, что можно? – поинтересовалась я, держа букет всё так же, на вытянутой руке.

– Нет, Алис. Иначе зачем бы я рисковал своей жизнью, карабкаясь на третий этаж?..

Вопрос повис в воздухе. Ответа у меня не было. Сам факт того, что Богданов, вместо вечеринки тайком пробрался ко мне, никак не желал укладываться в моей голове. Я стояла, переминаясь с ноги на ногу, и пялилась на него. А он смотрел

на меня.

– Я собираюсь смотреть фильм, – не выдержала я первой.
– Раз ты уже и так здесь, можешь присоединиться.

Словно только этого и ждал, Антон быстро скинул куртку и сказал:

– Отлично. Спасибо за приглашение. Даже не знаю, чем бы занялся сегодня, если бы не ты.

О комфортном лежании на койке можно было забыть. Мы устроились рядом, опираясь спинами на стену, согнули ноги в коленях, поставили на них планшет.

Примерно через треть фильма Богданов заёрзал, сдвинул мой планшет на себя и закинул руку на мои плечи.

– Совсем обалдел?! – возмущённо зашипела я. – Руку убрал!

– Тебе же неудобно, Алис, – миролюбиво ответил он. – А так ты сможешь изменить положение. Это ничего не значит, ну.

С подозрением скашивая взгляд на парня, я осторожно устроилась у него на груди, сдвигая затёкший от долгого сидения в одной позе зад и поджимая под себя ноги. Богданов нажал на кнопку воспроизведения, и мы продолжили просмотр. У меня под ухом глухим стуком отбивало ритм его сердце. Едва уловимые нотки мужского парфюма щекотали нос. Пальцы, обхватывающие моё плечо, невесомо подрагивали, то и дело касаясь меня. Вместо экрана я смотрела на стол, где в литровой банке стояли мелкие ромашки. Поэтому

даже не сразу обратила внимание, что Антон снова поставил фильм на паузу.

– Алиса? – глухо позвал он.

– А? – отозвалась я, поворачивая голову к нему.

В тот же миг его горячие губы нежно, но требовательно прижались к моим. От неожиданности я тихо ахнула, и Антон воспользовался моментом, мягко, но настойчиво скользнув языком в мой рот.

Проведя пальцами по моей щеке, Богданов обхватил мою шею, не позволяя отпрянуть. Целовал, пока я не начала таять, пока не стала отвечать на поцелуи. Робко, неуверенно обнимая его, я чувствовала, как ускоряется до безумных значений его пульс.

Точно так же, как и мой собственный.

Несмотря на лёгкость и эйфорию, переполняющие меня в это мгновение, стоило только ему остановиться, перестать меня целовать, я оттолкнулась от его груди и поднялась на вытянутых руках.

– Обалдел, Богданов?! Ты чего творишь?! – зашипела на него. На что Антон лишь усмехнулся, резко подался вперёд и снова меня поцеловал.

Стоя на четвереньках на своей узкой койке с продавленными пружинами, я млела под натиском горячих нежных губ. Каждая моя клеточка пела и плясала, запуская по коже целые мириады бесноватых мурашек.

– Ты как дикая кошка, – тихо прошептал Антон, притяги-

вая меня обратно, к своей груди. Я повалилась на него, понимая, что должна сопротивляться, но отчаянно того не желала. – Шипишь и царапаешься. Но стоит тебя немного приласкать, как становишься милым, ласковым котёнком.

– Я не буду с тобой спать, Богданов, – отрезала я.

Он рассмеялся:

– Будешь. Просто не сейчас. Даже если это случится после свадьбы, Алис, я дождусь.

Я закатила глаза. “Болтай, болтай, – подумалось мне тогда. – Сам же сбежишь в сторону более доступного варианта, когда устанешь ждать!”

– Ну-ну. Тоже мне, ждун нашёлся, – фыркнула я. Богданов со смешком поцеловал меня в висок.

– Наивная ты, Алиска. Такая всезнайка и такая глупенькая, – сказал с восхищением. – Наверное, поэтому ты мне и понравилась.

– Ей-богу, Богданов, в нашей группе есть более красивые, глупые и легкодоступные варианты, – предприняла я ещё одну попытку его образумить. – Возможно, тебе стоит попробовать что-то другое, ведь я в ближайшие лет двадцать собираюсь учиться и стать отличным хирургом.

– Именно поэтому мы идеально друг другу подходим, – кивнул Антон. – Не спорь, Ковалевская. Лучше просто дай нам шанс.

Пока я искала подходящее опровержение, он не стал его ждать. Взял быка за рога и привлёк меня для ещё одного

крышесного поцелуя. За ним последовал ещё один. И ещё.

Весь остаток вечера мы нежились в кровати и много целовались. Несмотря на внушительную твёрдость в штанах, которую я так явно ощущала, Богданов не предпринял ни единой попытки переступить очерченную мной границу неприкосновенности.

Мы целовались так долго, что за окном успело окончательно стемнеть, губы распухли и казались теперь надувными, а я проголодалась. Предложила Антону что-нибудь приготовить, но он пригласил меня в кафе.

– Я не планировала никуда выходить, не буду краситься и наряжаться ради пары часов прогулки, – ультимативно заявила ему.

– Ой, напугала ежа голой жопой! – заржал он. – В этом и иди.

Я осмотрела свой весьма потёртый спортивный костюм, который чаще использовала в качестве пижамы, и уточнила:

– Прямо вот так?

– Ага, – подтвердил Богданов. – Мне абсолютно всё равно, хоть в мешке из-под картошки. Главное, что это будешь ты.

– Хорошо, – пожала я плечами. Хозяин – барин.

Быстро расчесала волосы. Мы оделись и вышли. Я очень переживала, как комендантша воспримет то, что в моей комнате побывал Богданов, но она лишь мазнула ленивым взглядом по нашей парочке и продолжила смотреть в телевизор.

На улице я выдохнула. Напряжение и страх немного от-

пустили, и я с облегчением подняла голову вверх и вдохнула стылого воздуха на полную грудь. Взгляд зацепился за барельефные узоры, украшающие фасад между вторым и третьим этажами.

– Понятно, почему она не удивилась, что ты выходишь вместе со мной, – улыбнулась я. – Подкупил комендантшу, чтобы она открыла тебе одну из соседних комнат?

– Немножко схитрил, чтобы заработать немного бонусных очков в твоих глазах, – признался Антон, переплетая наши пальцы. – Рад, что это сработало и я не убился!

– Клоун, – заключила я. – Но я тоже рада, что ты не убился. Больше так не делай.

– Не буду. – серьёзно ответил Богданов. – Не могу даже помыслить, что ты достанешься кому-то другому.

– Но и тебе пока не досталась.

– Ты уже моя. Запомни этот вечер, Алис. – сказал он, и я рассмеялась. – Серьёзно. Запомни, Алис. Не успеешь оглянуться, как мы будем рассказывать о нём нашим детям и внукам!

– Богданов, ты дурак. – прокомментировала я, полностью убеждённая, что мне достался самый ненормальный псих. – Мы знакомы всего пару месяцев. Какие дети? Какие внуки?

– Лет через десять поговорим, – усмехнулся он.

Совсем скоро все вокруг уже знали, что Антон Богданов встречается с Алисой Ковалевской. Я бы и хотела не выстав-
лять на всеобщее обозрение свою личную жизнь, но кота в

мешке, как известно, не утаишь. Особенно, если этот “кот” – огромный, в сравнении со мной, красивый, харизматичный, весёлый парень, который, где бы не появлялся, тут же заявлял всем: “О, а вы ещё не знакомы с Алисой? Это моя невеста и многообещающее будущее хирургии!”

Я же... боялась. Богданов сделал всё, чтобы я влюбилась в него в кратчайшие сроки. И ему это удалось. Но, несмотря на свои чувства, я по-прежнему опасалась, что всё не может быть так просто, и ждала, в чём же окажется подвох.

Глава 4

Антон

Утром я собираюсь на работу в приподнятом настроении. Сам не понимаю почему, но сейчас меня даже лицо Сони не слишком раздражает.

Она, в общем-то, тоже довольна. Наверняка прошедшая ночь доставила ей ни с чем несравнимое удовольствие.

Целую её в щеку:

– Милая, буду поздно. Сама понимаешь, нужно налаживать новые связи, знакомиться с сотрудниками и выстраивать с ними отношения.

Соня довольно кивает. Аккуратно, оттопырив мизинчик, попивает кофе, сидя в своём кресле. Ни дать ни взять – принцесса на горошине, смотрящая на всех свысока.

– Конечно, любимый, – щебечет она с улыбкой. – Я понимаю, насколько это важно.

Мне хочется сказать ей, что если бы она понимала меня, то поддержала меня в стремлении создать что-то своё, а не быть хозяином клиники лишь номинально и просто торговать лицом.

Хочется ответить, что в гробу я видел наши рафинированные отношения. “Милая, любимый, дорогой...”

Тьфу.

Но я лишь безмолвно улыбаюсь ей и выхожу из кухни. Не

позволю ей испортить мне настроение.

А то, что в голове всплывает далёкий образ Алисы, когда я выхожу из дома, то это ничего. Это всего лишь из-за мести. Её, как говорится, нужно подавать холодной.

Проклинаю чёртовы пробки, высматриваю Алису на работе. Ничего не могу поделать с собой, взглядом обвожу длинные коридоры клиники.

Она опаздывает. Или, может быть, сбежала? Несмотря на то, что опоздала она всего лишь на несколько минут, всё во мне цепенеет от жаркой ярости и какого-то странного... страха?

Нет, она не может так поступить. Я, блядь, найду её везде. Потому что теперь у меня есть её личное дело в отделе кадров.

Первым делом я забираю его оттуда. В итоге из первых уст узнаю, что она всё же не подала заявление.

Улыбка расплзается на моих губах. Хорошая девочка.

Но папку с личным делом я всё-таки прихватываю с собой.

Едва успеваю выйти в просторный холл больницы, как в меня тут же врзается тонкая девичья фигурка. Ноздри тут же обволакивает сладкий запах, и я невольно втягиваю его, чувствуя, как от удовольствия ёкает сердце, а мурашки ползут по спине.

О нет... Я больше не позволю ей играть со мной!

Натягиваю на лицо добродушную улыбку и даже умудряюсь мягко пожурить Алису за опоздание. Она чувствует себя не в своей тарелке, и от этого моё настроение улучшается.

Правильно, дорогая, нервничай. Это только начало нашего удивительного сотрудничества.

Наше столкновение в лифте оказывается на удивление удачным. Я чувствую волны напряжения, исходящие от Алисы. Вновь вдыхаю её неповторимый запах, который снился мне уже очень давно. Член каменеет, и я чувствую, как меня охватывает гнев.

Я был ей не нужен. Она оставила меня, ушла. И теперь пожалеет об этом. Я превращу жизнь этой суки в ад.

Так я настраиваю себя, стоя рядом с ней. Сжимая кулаки и едва останавливая себя от желания схватить Алису за шею. К счастью, у меня получается обуздать свой порыв и дать ей уйти.

Собрание в конференц-зале проходит гладко. Я постепенно знакомлюсь со своими подчинёнными. Некоторые дамы скользят по мне откровенно заинтересованными взглядами. Их не слишком интересует то, что я женат.

Некоторые подобострастно мне улыбаются, отчего я вновь ощущаю прилив злости.

Терпеть не могу подхалимов. С такими у меня разговор короткий.

Когда очередь доходит до Алисы, впиваюсь в неё испы-

тующим взглядом. Мне интересно, что она скажет, ведь её личное дело я до сих пор не изучил.

И когда она почти скороговоркой выпаливает, что не замужем и детей у неё нет, испытываю почти физическое удовольствие.

Всё-таки есть справедливость на свете.

День пролетает быстро. Дела требуют моего внимания, как и сотрудники, которые время от времени заходят в кабинет, чтобы решить свои проблемы. Операций, требующих моего присутствия, пока нет, так что в первый рабочий день в новой клинике мне удаётся свободно выдохнуть.

Уже вечером Соня звонит, не переставая, чем неимоверно раздражает меня. Ну всё же было хорошо, чего ей ещё от меня нужно?

– Да, дорогая, – холодно произношу, наконец потеряв терпение, когда она звонит уже раз в десятый.

– Прости, что беспокою. Хотела напомнить, что у нас сегодня выставка. Там соберутся важные люди, готовые пожертвовать большие суммы на развитие нашей клиники, в частности, на некоторых тяжелобольных.

Глубоко вздыхаю, пытаюсь унять раздражение.

Она, конечно, права. И большая молодец, потому что делает огромную работу. Поэтому сейчас я удерживаю все едкие слова, вертящиеся на языке, и ровным тоном отвечаю:

– Да, конечно, буду через час.

– Я приготовила белоснежную рубашку и смокинг. Тебе нужно выглядеть блестяще.

– Понял.

Отключаюсь от разговора, прикрываю глаза.

Софья – идеальная жена. И порой мне становится стыдно за своё поведение. Но затем я вспоминаю о том, что наш брак договорной. Я ведь ничего плохого для неё не делаю, стараюсь сделать её жизнь лучше. Так почему я должен чувствовать себя виноватым?

Встаю из-за стола, собираю документы и достаю из сумки ключи от машины. Мерседес С-класса я купил сам, на заработанные деньги. Тесть, конечно, порывался добавить денег, но я был непреклонен. Соня тоже возмущалась, но она порой отказывается понимать, что я – мужик, а не маменькин сынок, который живёт за чужой счёт.

Дорога до парковки не занимает много времени. Подхожу к машине, открываю дверь и застываю на месте.

В глаза бросается скромная машинка, стоящая напротив. И женщина, которая пытается её завести.

Алиса явно нервничает. А мне так нравится смотреть на её бледное лицо... Перевожу взгляд на свой мердседес. Обитый светлой мягкой кожей салон просто кричит о комфорте и достатке. Я могу регулировать свет, могу убрать потолок, сделав кабриолет. Уже не говорю о кондиционере, который должен быть в любом автомобиле.

Вновь перевожу взгляд на Алису. Судя по всему, она уже в

отчаянии. Пытается завести маленькую “пежо”, но явно старая потёртая машина её не слушается.

Закрываю дверь мерса и медленно подхожу к ней, крутя дорогие ключи между пальцев.

– Алиса Андреевна, – мягко интересуюсь, наклоняясь к маленькому окошку “пежо” и насмешливо улыбаясь: – Неужели ваши доходы были так ничтожно малы, что денег хватило лишь на... это?

Поднимает голову и с откровенным испугом смотрит на меня, а я расплываюсь в широкой улыбке:

– Вас подвезти? Я могу... – киваю на свою дорожную тачку, которая стоит порядка пятнадцати миллионов. Таких “пежо” можно два десятка на эти деньги купить.

Поджмает губы. Я вижу вызов в её глазах. Алиса всегда была упрямой девочкой. Правильной. Как же тошнит от этого слова сейчас.

– Спасибо, не нужно.

Отвечает холодно, сжимает руки на руле. Я почти физически чувствую напряжение, которое повисает над нами. Развожу руками:

– Может, вызвать эвакуатор?

– Я сама.

Ну посмотрите, какая упрямая!

– Что ж... – оценивающим взглядом осматриваю “пежо”.
– Алиса Андреевна, надеюсь, что в будущем этой машины не будет здесь. Сами понимаете, вы ведь лицо нашей клиники...

– А я думала, Антон Михайлович, вашей клинике нужны мои руки и знания, а не моё лицо.

Тонко улыбаюсь:

– Не будьте маленькой девочкой. Среди наших клиентов есть много статусных людей, для которых важно внешнее. Знаете, как говорят? “Встречают по одежке, провожают по уму”. Странно, что до сих пор вы не смогли заработать себе денег на нормальную машину. Ну ничего, работая под моим руководством, наверстаете упущенное.

Алиса кивает, втягивая в себя плечи. Кажется, она боится меня? Нет, скорее опасается и, похоже, жаждет, чтобы я поскорее ушёл.

Нервно дёргаю уголком губ и цежу, почти не скрывая своего раздражения:

– И всё же... Могу ли я вам чем-то помочь?

Она открывает рот, но слышу я совершенно другой, мужской голос:

– Алиса, что опять приключилось с твоей машиной? Прости, я, наверное, опоздал?..

А это кто ещё?

Медленно перевожу взгляд на подошедшего к нам мужчину. Он, не скрывая своего беспокойства, внимательно смотрит на Алису, и раздражение подкатывает к моему горлу.

– Что ж, – с ледяной улыбкой делаю шаг назад. – Алиса Андреевна, как понимаю, я более здесь не нужен. Пожалуйста, отнеситесь к моим советам со вниманием. Я не желаю

зла своей клинике и сотрудникам.

“Но ты – исключение”.

Вежливо улыбаюсь подошедшему мужику, который странно пялится на меня. Невысокого роста, в приличном, хоть и не в дорогом брендовом пиджачке, он протягивает мне руку, которую я игнорирую. Не бог весть что, конечно, но в мире мужчин считается неприятным.

Видимо, он сам осознаёт колоссальную разницу между нами, потому что уголок его рта нервно дёргается, и он поворачивается к Алисе.

О чём они разговаривают дальше, я не знаю. Потому что разворачиваюсь и ухожу. Иду к своему мерсу, бряцаю дорогим брелком, который, вероятно, стоит, как весь гардероб этого мужика.

Я направляюсь в отель, к дорогой во всех смыслах жене, которую знают в Москве и Питере как светскую львицу. Войду в номер, по-быстрому трахну её, солью напряжение. Приму душ, надену костюм от Бриони, и мы поедем на приём.

Что ждёт Алису? Будет сидеть здесь и куковать в компании этого мужичка, который даже нормальный пиджак купить себе не может. Бедная. Как же много она упустила, когда отказалась от меня!

И всё же, когда сажусь в мерс, первым делом вызываю эвакуатор.

А то ведь сама не вызовет, дурёха.

– Антон Михайлович, какая встреча! – щебечет Юлия Михайловна Лисицкая, хозяйка приёма. На её пышной груди пятого размера сверкает бриллиантовое кольцо стоимостью в несколько десятков сложнейших операций. Всё-таки не зря меня Соня сюда притащила. Нужно потряхнуть сегодня кошельки этих толстосумов.

– Юлия Михайловна, вы, как всегда, прекрасны! – мягко мурлычу и целую кончики холеных пальцев. Она краснеет от удовольствия и томно вздыхает, а Софья рядом со мной ощутимо напрягается. Даже через пиджак я чувствую, как её хватка становится крепче.

Все знают о бешеном темпераменте Юлии Михайловны, и что любовников своих она меняет быстрее, чем покупает дорогие побрякушки. Её муж, нефтяной магнат, с лёгкостью закрывает на это глаза, потому что сам имеет с десятков любовниц.

И уже давно ходят слухи, что Юлия Михайловна нацелена на меня. Если бы не баснословное состояние, которое она может пожертвовать на благо наших клиник, Софья бы никогда не пришла сюда по доброй воле. Как там было у Александра Сергеевича? “Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей...” Вот это – история про нас. Чем больше я испытывал неприязни к своей жене, тем больше она проявляла заботы и любви, тем больше пыталась мне угодить. И ревновала, прекрасно понимая, что, кроме бизнеса, нас ничего, по сути, не связывает.

Как весьма умная женщина, она делает всё, чтобы я мог вести работу так, как того желаю. Поэтому основанный моей супругой фонд помощи малоимущим, благодаря которому мы можем проводить бесплатное лечение в своих клиниках для нуждающихся, регулярно пополняется свежими влияниями денежных средств. И хоть мне не очень нравится вся эта мишура светских мероприятий, я вынужден сопровождать Соню. Как сегодня. Благодушно улыбаюсь Лисицкой, приобретаю супругу и спешу откланяться:

– С вашего позволения, Юлия Михайловна, мы с Сонечкой поздороваемся с другими гостями.

На радость жены мы скрываемся в толпе, подальше от потенциальной соперницы. Где-то на границе сознания мелькает мысль, что я упустил возможность позлить Соню, но я её с лёгкостью отпускаю. Сейчас не до этого. Голова забита совершенно другим.

Чёртовой Алисой, мать её, Ковалевской.

С кем она сейчас? Неужели с тем мужчиной, который пошёл к нам на стоянке? Какие у них отношения? И вообще, какое мне, чёрт побери, дело до её отношений? Ненавижу...

Беру бокал с виски, делаю глоток и тут же слышу тихое:

– Антон... Только не напейся, пожалуйста.

Сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Чтобы не ответить резко. Потому что Соня хочет, как лучше. Вот только лучше у неё, к сожалению, не получается.

Поворачиваюсь к ней, улыбаюсь вежливо. Кажется, ещё

мгновение, и эта улыбка разорвёт моё лицо.

– Конечно, дорогая. Я и не думал об этом.

Она улыбается мне в ответ, и её улыбка более искренняя, чем у меня. Отчего мне становится немного совестливо.

Соня не виновата в том, что я не люблю её. Она тоже, я уверен, не слишком в восторге от меня и нашего брака. Но, как идеальная жена, цепляет на лицо улыбку, стараясь показать всем своим видом, что всё в порядке.

Вечер течёт медленно и размеренно. Я улыбаюсь, кажется, бесчисленному количеству людей в дорогих костюмах. Завожу полезные знакомства, поддерживаю уже существующие, но в моей голове всё равно остаются вопросы по поводу Алисы.

– Антон Михайлович, какая встреча! – слышу радостный голос и оборачиваюсь, не веря своим ушам. Навстречу мне идёт мой бывший одноклассник Марк Артамонов, с которым я не виделся, кажется, уже целую тысячу лет.

– Ничего себе, знакомство! – с энтузиазмом крепко жму ему руку. – Какими судьбами здесь?

Он наклоняется ко мне и шепчет:

– Выгодно женился. Ты, я вижу, тоже.

Перевожу взгляд на беседующую в стороне от нас Софью, которая поднимает бокал с шампанским на чей-то тост.

– Да-да...

– Странно, а я думал, что любовь всей твоей жизни – Алиска... – тянет Марк, пьяно блестя глазами.

Пожимаю плечами, не желая разговаривать на эту тему. Кидаю сухо:

– Жизнь – сложная штука, Марк. Думаешь об одном, планируешь то же самое, а в итоге получается совершенно другое. Алиса Андреевна теперь работает на меня.

Он удивлённо смеётся, а я вовремя прикусываю язык, потому что к нам подходит Соня.

– Всё хорошо?

– Да, малыш, – целую её в щёку. – Марк Артамонов, мой приятель по мед университету.

– Очень приятно, – дежурно улыбается Соня и обращается ко мне: – Ой, прости, меня зовут...

– Иди, – мягко подталкиваю её. И только когда жена отходит, Марк вздыхает:

– Интересно девки пляшут...

– Сам-то как? – спешу перевести тему.

– Да вот тоже женился... Хорошая девка, папаша у неё долларовый миллионер, всё при ней... Я как сыр в масле катаюсь... Киса, иди сюда, познакомься с моим приятелем!

К нам подходит длинноногая блондинка с глупой улыбкой. Мы знакомимся, и она отходит.

– Возьми у меня номерок. Созвонимся, ходим в бар, девочек снимем... Потрындим, как старые времена... Без баб, – хитро улыбается мне Артамонов.

Я принимаю его визитку. По бабам от жены налево не пойду, но номерок Марка мне точно пригодится.

Вечер плавно перетекает в ночь. Мы с Софьей возвращаемся в отель, и я наконец-то могу сбросить с себя надоевший пиджак и вздохнуть спокойно.

Софья медленно подходит ко мне, обнимает со спины и прижимается, тихо дыша. Понимаю, что она хочет меня, даже несмотря на то, что молчит. Понимаю, но осознаю, что не хочу сегодня ничего.

– Прости, дорогая... Вечер вымотал меня.

Она мгновенно понимает намёк, отстраняется. Поворачивает меня к себе и улыбается той приторной улыбкой, от которой меня всегда тошнило.

– Конечно, любимый. Я всё понимаю. Завтра продолжим... Нужно ехать в Москву, дела там копятсь и ждут тебя, у меня назначены встречи...

– Думаю, что тебе стоит поехать одной.

Эта фраза в наступившей тишине звучит холодно и отстранённо.

Софья распахивает глаза, плотно сжимает губы.

– Почему?

Голос её дрожит. И я ненавижу такие моменты. Понимаю, что Софья не использует слезы, как оружие, но это всё равно раздражает. Прикрываю глаза рукой, шумно выдыхая:

– Давай не будем усложнять, ладно? Мы оба прекрасно знаем, что клиника в Москве работает бесперебойно. Там давно всё налажено. А здесь ещё предстоит сделать много работы. Кто этим займётся, если не я?

Она молчит некоторое время, а потом признаётся:

– Я не рассчитывала, что ты решишь задержаться здесь. Думала, вернёмся вместе домой, удастся выкроить время и сходить в ресторан или съездить куда-то на выходные... Ты и так весь в делах, вечно занят... Но после открытия клиники, когда было проделано столько работы, я думала, мы проведём время вместе. А сейчас ты ставишь меня перед фактом, что решил задержаться здесь...

– Работа у меня такая, Сонь. – безразлично пожимаю плечами. – График всегда был плотным.

– Ты, конечно, прав, но...

– Если признаёшь мою правоту, то давай не будем спорить. Я правда очень устал сегодня.

Сказав это, ухожу в другую комнату. Чтобы не видеть её слезливых глаз, не слышать дрожащего голоса. Всего того, что всегда выводит из себя.

Набираю номер Марка. Спустя пару гудков раздаётся его весёлый голос:

– Не думал, что позвонишь мне так скоро!

– Да у меня к тебе дело небольшое есть. Не откажешь?

– Смотря, что попросишь! – веселится Артамонов. Я слышу в трубке музыку, женские голоса и понимаю, что сейчас он едва ли сможет мне помочь. Тем не менее спрашиваю:

– Меня интересует Алиса...

Он заливисто смеётся в трубку, отчего я испытываю глухое раздражение.

– Не сомневался, что разговор пойдёт о ней! Столько времени прошло, а ты до сих пор по ней сохнешь!

– Это не то, о чем ты подумал! – рывкаю в трубку. – Меня интересуют нюансы её жизни. Где работала, почему уволилась...

– Да-да, так я и поверил!

Сжимаю зубы и зло цежу:

– Так ты поможешь?

– Ну я могу пробить, конечно, но сам понимаешь, не за “спасибо”, – его голос становится серьёзнее.

– Я у тебя в долгу не останусь, не переживай.

– Понял, принял. Как что найду, наберу тебе.

Сказав это, Марк отключается.

Я блокирую телефон и, развернувшись, натыкаюсь взглядом на Соню. Она стоит в дверях комнаты, бледная, несчастная. Но всё же пытается мне улыбаться. Неизвестно, сколько она услышала, успела ли что-то понять. Хотя и не имею привычки оправдываться перед этой женщиной, всё равно зачем-то быстро поясняю ей:

– Разговаривал с товарищем. Нужно кое-что узнать о со-трудниках.

Она кивает и, кажется, немного успокаивается.

– Ты идешь спать?

– лягу сегодня здесь.

Софья тяжело вздыхает и кивает:

– Что ж... Доброй ночи.

– И тебе, дорогая, – отзываюсь я, тут же теряя к ней интерес.

Надеюсь, бывший приятель не подведёт и уже завтра я буду знать об Алисе всё. Не хочу признаваться самому себе, с каким нетерпением жду эту информацию. И не хочу признаваться почему.

Глава 5

Алиса

Пока крашусь перед зеркалом в ванной, Саша тихо пробирается внутрь и начинает целовать мою шею. Его руки скользят под шёлковый халатик, отлаживают ягодички...

– Саш, не сейчас, – хмурюсь я. – Опять опоздаю.

– Я подвезу тебя, Лисичка, – обещает он. – Ты не опоздаешь ни на секунду...

– Я уже вызвала такси, Саш, – говорю, поджимая губы. – Прости. Не хочу опаздывать. Это правда очень важно для меня.

– Понимаю. Новая работа, все дела... – разочарованно протягивает мужчина. – Ладно, собирайся. Не буду тебе мешать.

Он оставляет меня одну, и я заканчиваю сборы. К моменту, когда звонит таксист, я полностью готова. Надеваю туфли и кричу:

– Саш, я ушла! До вечера!

– Заберу тебя в восемь! – отзывается он, и я ухожу.

К клинике я подъезжаю заблаговременно. До пятиминутки Богданова ещё больше двадцати минут. Этого времени мне как раз хватит, чтобы переодеться и не столкнуться с ним.

Но, когда створки лифта уже закрываются, я слышу его

ГОЛОС:

– Подождите меня, пожалуйста! – и мысленно чертыхаюсь.

Можно, конечно, сделать вид, что я не услышала, но не хочу усугублять. От этого никому не будет проще. Лучше не будет. А потому зажимаю кнопку открытия дверей и натыкаюсь на взгляд своего бывшего.

– Ба, – протягивает он, деланно глядя на часы. – Доктор Ковалевская почтила нас своим своевременным присутствием!

– И вам доброе утро, Антон Михайлович! – стараюсь быть вежливой. – Смею напомнить: я опоздала лишь единожды. И всего на пару минут.

– Вижу, вы прислушались к моему совету? – переводит он тему. – Не заметил на парковке вашу тарантайку.

Вот же придурок! Так и сияет от самодовольства, отчего я всё больше закипаю.

– Пришлось отправить её на небольшой ремонт. Спасибо за беспокойство, скоро она будет на ходу, – ослепительно улыбаюсь ему. – Не переживайте, я поняла, что вам неприятно её лицезреть на парковке клиники, поэтому впредь буду парковаться где-то поблизости. И ещё: сколько я должна вам за эвакуатор?

– Алиса Андреевна, ничего вы мне не должны, – мягко смеётся Антон, и внутри меня словно разливается горячее олово. – Считайте это небольшим приветственным подарком.

ком. Как хороший руководитель, я забочусь о своих сотрудниках. А как мужчина, никогда не против позаботиться о привлекательной женщине.

В этот момент лифт останавливается на этаже хирургического отделения и створки плавно разъезжаются в стороны.

– А как к вашим пристрастиям относится ваша супруга? – выплёвываю я и выхожу первой.

Чувствую пронзительный взгляд, обжигающий покачивающиеся от быстрых шагов бёдра. Слышу ускоряющиеся шаги.

– С пониманием, – говорит Богданов со злостью. – Ей всегда бесконечно жаль, когда о другой женщине не в силах позаботиться её мужчина!

Чёртов мудака! Крепко сжимаю зубы, чтобы не вступить в перебранку. Не нужно было реагировать на его слова! Нельзя было давать ему ни малейшего намёка, что меня цепляет это обстоятельство...

– По всей видимости, вам очень повезло с супругой, Антон Михайлович, – натянуто улыбаясь, поворачиваюсь к нему. – Поздравляю! Это большая удача – встретить кого-то, столь любящего, доброго и понимающего. Берегите её!

Его прекрасное лицо искажается. Богданов нервно дёргает губой и холодно цедит:

– Благодарю, Алиса Андреевна! Мне действительно очень повезло. Софья никогда меня не предаст, никогда не исчезнет из моей жизни без каких-либо объяснений, не разобьёт

мне сердце и не выберет кого-то другого. Она же не какая-то безродная девка!..

Его слова действуют на меня подобно отрезвляющей пощёчине. Резко развернувшись на каблуках, тороплюсь прочь, скорее скрыться от него в спасительной тишине кабинета. Хотя бы ненадолго.

Я знаю, что Богданов хотел меня задеть. И у него получилось.

До боли закусываю внутреннюю сторону губы, чтобы не расплакаться перед ним. Он смотрит, я чувствую. Ждёт этого. Но такого удовольствия я ему не доставлю. Антон Богданов никогда не увидит моих слёз!

На пятиминутку я прихожу в числе последних и еле выдерживаю эту пытку. Чувствуя на себе прожигающий взгляд Богданова, хочу лишь одного – исчезнуть из пределов его досягаемости. Не видеть его. Не слышать голос, от которого по коже рассыпаются мурашки. Не испытывать никаких эмоций. Особенно, их.

Меня штормит. Кидает то в жар, то в холод. Обострённые разом все эмоции и чувства грозятся выйти из-под контроля. И я не знаю, чего ожидать от самой себя в таком случае.

Хочется взбунтоваться. Закатить истерику. Хочется, чтобы он услышал, понял, забрал мою боль. Но в следующий момент я вспоминаю его слова и понимаю, что ничего уже не исправит того факта, что мы давно друг другу чужие. И я сама добивалась этого.

– В ближайшие дни я буду присутствовать на ваших приёмах. Хочу посмотреть в деле свою команду, понять уровень вашей профессиональной подготовки, оценить качество обслуживания. – говорит Антон. Резко вскидываю на него взгляд. Только этого не хватало! Я и он в одном кабинете?! – Мне нужно понимать, насколько хорошо вы справляетесь со своими задачами в условиях реального времени и не требуется ли кому-то пройти курсы повышения квалификации. Я знаю, что здесь собрались очень хорошие специалисты, других в моих клиниках нет. Но я стремлюсь к тому, чтобы вы стали не просто хорошими профессионалами, а лучшими, поэтому часто организовываю поездки на различные медицинские форумы, курсы, конференции, стараюсь договориться о лекциях с настоящими профи, в том числе, зарубежными, которые используют самые передовые технологии и методы для исследований и лечения различных заболеваний. Не бойтесь проявлять инициативу – если вы хотите посетить какое-либо профильное мероприятие, просто дайте знать, и я поддержу ваше стремление. Я всегда радею за то, чтобы мои коллеги самосовершенствовались, ведь, в конечном итоге, это отражается на облике клиники и меня, как её руководителя.

Глаза Антона горят, как было всегда, когда он мечтал о том, что изменит этот мир к лучшему. Изменилось ли это в нём? Я не знаю. Но не хочу думать, что теперь его заботит исключительно доход, приносимый качественным обслужи-

ванием пациентов.

Вступаю в диалог с коллегами, чтобы избежать общения с ним. Не оставляю ему ни единого шанса выдумать предлог и оставить меня в конференц-зале... наедине с ним. Это глупо. Всё равно мне не удастся вечно бегать. А ему надоест моё присутствие где-то поблизости. Не с нашим прошлым работать бок о бок.

Но против моих мыслей Антон вопреки всякой логике словно перестаёт меня замечать. Больше мы не сталкиваемся в лифте, я не слышу ни единого намёка на упрёки в свой адрес на утренних совещаниях. Так проходит несколько дней, и я расслабляюсь.

Выходные мы проводим с сыном Саши за городом. Никита – славный мальчуган, он понравился мне сразу, ещё когда попал ко мне в хирургию городской больницы. Родители на тот момент уже давно были в разводе, но в достаточной мере дружны в вопросах воспитания совместного ребёнка. Именно он, Никита, с подачи своей матери пригласил меня в ресторан из благодарности за успешно проведённую операцию и последующее восстановление. Я не сомневалась, что Лидия, его мама, будет с нами. Однако вместо неё пришёл отец мальчика. Они с сыном, оба в костюмах и с букетами, развлекали меня весь вечер, а потом проводили домой.

Думала ли я, к чему это приведёт через три года? Тогда нет. Но за первым ужином последовало приглашение от отца моего пациента, а я не отказала. Возможно, просто устала

от нескончаемой боли и одиночества, может, хотела почувствовать себя обычной женщиной... Я не знаю, правда. Но я позволила случиться этим отношениям, странной дружбе с их семьёй. Позволила Саше испытывать ко мне чувства, на которые сама уже давно была не способна. Всё выгорело дотла под гнётом неотвратимых обстоятельств.

Смотрю, как Саша дурачится с сыном, и чувствую прилив глухой безнадежной тоски. Сейчас, когда Богданов так близко, мне особенно тяжело вспоминать о прошлом, но воспоминания проносятся в мыслях снежным комом, грозясь накрыть с головой, снова утопить в бесконечных потоках слёз, вывернуть душу наизнанку.

Выходные не приносят ни радости, ни облегчения, поэтому на работу я приезжаю в отвратительном настроении. И как назло натыкаюсь на Богданова перед лифтом. Думаю даже задать стрекача, но лишь делаю глубокий вдох и встаю за его спиной.

Он ещё не видит меня, но я вижу, как под стильным дорогим пиджаком напрягается его спина. Словно он чувствует, ощущает моё присутствие.

Створки лифта раскрываются, и Антон делает шаг в сторону, пропуская меня вперёд. Всё ещё не глядя на меня, говорит:

– Доброе утро, Алиса Андреевна.
– Доброе утро, Антон Михайлович, – отзываюсь я и вхожу первой в лифт.

Он заходит следом, встаёт ко мне лицом. Нависает надо мной, внимательно вглядываясь в моё лицо. Я не вижу ненависти в его глазах. Лишь какую-то усталость, обречённость.

— Алис, — с жаром выдыхает он. Его лицо так близко, что частое дыхание мужчины касается моих губ. Его запах оседает на рецепторах, вызывая целую лавину непрошенных эмоций. Богданов хмурится. Между бровей пролегает глубокая складка, которую мне хочется разгладить пальцами, стереть с идеального мужского лица. — Доктор Ковалевская, сегодня я буду присутствовать на ваших приёмах.

Его взгляд упирается в мои губы. Наверное, я должна что-то ответить. Банальная вежливость с руководством... “Да, конечно”, “Как пожелаете” — любая стандартная фраза подойдёт. Но все слова застревают в глотке. Во рту сухо, будто все пески Сахары разом перекочевали туда. Но вместо ответа, которого, очевидно, ждёт Антон, я издаю неясный свист и торопливо облизываю губы.

Взгляд мужчины темнеет, наполняется пугающей потребностью чего-то давно забытого, теперь недостижимого. За его спиной раскрываются дверцы лифта... И я трусливо сбегая, протискиваясь мимо Богданова.

Секунды до его прихода после традиционного совещания в мой кабинет кажутся бесконечными. В мыслях глухим набатом идёт отсчёт: тик-так, тик-так, и я не могу сосредоточиться ни на чём другом.

Должна ли я буду провести в замкнутом пространстве кабинета наедине с ним весь день, или Антон ограничится лишь одним приёмом? Судя по тому, что я слышала от коллег, проверка у каждого проходила по-разному. Как будет у меня? И почему мне так волнительно от этого неведения?..

Мы давно чужие, но я не уверена, что смогу сдержаться, если он решит поговорить о нас. О нас, которых давно не существует. Теперь есть только я, детский хирург Алиса Ковалевская, и он, владелец клиники, главный врач Антон Богданов. Женатый. Чужой. Далёкий. И я чужая. Если совсем уж придирааться – ничья. Самое ужасное в моей ситуации, что я не воспринимаю себя несвободной, будучи в отношениях с Сашей. Даже тот факт, что я согласилась жить с ним, не значит для меня ровным счётом ничего. А присутствие Антона в моём кабинете волнует куда больше, чем присутствие Саши в моей постели. Я ужасный человек.

К моменту, когда Богданов входит без стука в кабинет, я его уже и не жду. До первого приёма остаётся несколько минут, но Антон неспешно изучает мой стол, медленно переводит взгляд на меня...

– Почему ты ушла с предыдущего места работы? – спрашивает неожиданно.

– Не сошлись во мнениях с главным врачом, – отвечаю прямо. – Он не любит, когда его диагнозы оспаривают подчинённые.

Антон усмехается:

– Ничему тебя жизнь не учит.

– Напротив, теперь я ещё более убеждена, что ошибки нам слишком дорого обходятся... – говорю с горечью. – Люди ошибаются. Иногда из-за этих ошибок страдают другие люди. Но чаще наших собственных страданий от последствий сделанных ошибок хватает за глаза.

Лишь отчасти я имею в виду врачебное дело, и Богданов это понимает. Я вижу это в его горящем взгляде. Читаю по утяжелившемуся дыханию, которое становится вдруг частым и надсадным. Мне хочется, чтобы он понимал: не прошло ни дня, чтобы я не жалела. Даже если он никогда не поймёт причин, я хочу, чтобы он понимал, я жалею. Расстаться с ним, какими бы благими намерениями я не оправдывалась, было ошибкой. И я жалею.

– Ты не можешь тянуть на себя ответственность за всё, что происходит поблизости, – навесив на лицо маску безразличия, говорит Антон. – Ты в ответе только за свои действия и решения.

– Да, верно. – отзываюсь после непродолжительной паузы. – Поэтому и приняла решение самостоятельно, без оглядки на рекомендации главврача. Смерть ребёнка – слишком дорогая цена за его ошибку, сотворённую моими руками. И в любой другой подобной ситуации я поступлю точно так же, даже если это будет идти вразрез с мнением руководства.

– Это очень хорошо, – выдыхает Богданов. – Терпеть не могу лизоблюдов.

Я понимающе улыбаюсь. Тяжело быть сыном блестящего хирурга. Перед Богдановым-младшим стелились преподаватели, врачи и медсёстры. Наверняка, и сейчас он постоянно имеет дело с неприкрытой лестью окружающих людей.

Возможно, поэтому он влюбился в меня, девушку, которая никогда не выделяла его среди однокурсников из-за знаменитого во врачебной среде отца, не пыталась выбиться в люди и построить карьеру за счёт будущего свёкра?..

– Начнём приём, – говорит Антон и приглашает юную пациентку в сопровождении матери.

Выслушав жалобы, я беру в руки карту пациента и внимательно изучаю результаты исследований и анализов.

Диагноз восьмилетней девочки Миры – синдром приводящей петли – был поставлен не сразу. Когда она пошла в школу и началась рвота, поначалу списали на психологическую нестабильность из-за резкого изменения образа жизни. Курсы работы с детским психологом не дали облегчения, но забрали время, когда лечение без прибегания к хирургическому вмешательству было возможным.

– Она же в садик не ходила, почти сразу после рождения операция была, убирали непроходимость кишечника. – рассказывает мама. – Всегда дома, со мной. А тут пошла в школу, и сразу началась рвота. У меня даже в мыслях не было, что диагноз ошибочен и проблема вовсе не в стрессе. А теперь врач предлагает удалить эту часть кишечника и поставить стому. Это же на всю жизнь?

– Вовсе не обязательно, – цокает Богданов. – Со стомой можно жить как три месяца, так и десять лет. Зависит от многих факторов, так сходу нельзя сказать наверняка, сколько времени пройдёт до возможности её закрыть.

– Чушь! – восклицаю я и осекаюсь на Антона, который кидает на меня недовольный взгляд. – Извините, случайно вырвалось. Я считаю, что необходима реконструктивно-восстановительная операция. – Богданов наклоняется ниже, и я показываю ему на снимке узи: – Видишь? Есть возможность сделать подшивание приводящей петли, сформировать анастомоз, а не удалять целиком этот участок с выводом стомы, как предлагают наши коллеги.

– Допустим, – протягивает Богданов. – Можно попробовать даже обойтись формированием энтеро-энтероанастомоза по Брауну. Это хороший вариант, мне нравится. Удастся сохранить кишечник, исправить синдром. Назначим плановую операцию, проведём её вместе. Ты и я. Буду тебе ассистировать.

Поднимаю на его удивлённый взгляд. Уверена, Антон имеет куда более богатый опыт проведения полостных операций. С чего бы ему быть ассистентом штатного хирурга?

– Не терпится увидеть вас в деле, – криво усмехается он.

Прошрое

Первая практика в хирургии настоящей больницы. Но вместо того, чтобы слушать последние наставления, я крутила головой, пытаясь отыскать среди лиц однокурсников Ан-

тона. Он опаздывал. Я волновалась.

Вот же сумасшедший! Удумал пропускать такую важную часть нашей учёбы!

Поняв, что он не придёт, я испытала разочарование. Неужели я так сильно ошиблась в нём? Неужели он, как и многие другие ребята с потока, понадеется на связи именинотого отца и будет филонить?! Но долго думать об этом не получилось. У меня связей не было, поэтому я сконцентрировалась на происходящем.

Во главе нашей процессии шли два хирурга, имён которых я не расслышала, отвлечённо выискивая Богданова. Один много рассказывал, второй же – больше слушал коллегу и смотрел на нас, неоперившихся птенцов.

Мы заходили в разные палаты, разбирали разные врачебные случаи. Изредка говорливый врач задавал вопросы, вроде: “почему была проведена именно такая операция, а не другая?”, “порядок проведения данного вмешательства?” и подобные. Я старалась держаться поближе к профессионалам, старалась отвечать на вопросы. Не боялась ошибиться или попасть впросак, дав неверный ответ. Мы учимся, а без практики невозможно стать настоящим врачом.

– В следующей палате у нас пациент, мужчина, 43 года, в анамнезе язвенная болезнь и резекция желудка. Клиническая картина следующая: наблюдаются нарастающие боли в правом подреберье и эпигастрии, тошнота, отрыжка, изжога, неприятный запах изо рта. Примерно в течение полчаса

после приёма пищи начинается обильная рвота, после чего больной чувствует облегчение. Из общей симптоматики отмечается слабость, снижение трудоспособности, потеря веса. – зачитал из карты врач-говорун. – Может кто-то из вас на основании данной информации предположить диагноз?

– Кишечная непроходимость? – неуверенно спросила Ксения из моей группы.

– Рецидив язвенной болезни? – выкрикнул Марк.

Я поджала губы. В тот момент у меня не было уверенности, что моё предположение окажется верным, и я не решалась озвучить его вслух.

– Вы хотите высказать своё предположение? – неожиданно обратился молчаливый доктор.

– Скорее всего я ошибаюсь, – промямлила я.

– Ну что же вы? Так бойко отвечали, а теперь вздумали бояться? – мягко пожурил он. – Пока вы учитесь, да и в будущем, не бойтесь предполагать и проверять свои предположения. Во многих сомнениях кроется зерно истины. Поделитесь с нами, что за диагноз пришёл вам на ум?

– Симптомы похожи на синдром приводящей петли, – послушно ответила, закусывая губу. Пытливо посмотрела на мужчину в ожидании вердикта.

Мучительно медленно он кивнул.

– Великолепно. Поведайте нам, пожалуйста, о методах лечения синдрома.

– Пациентам с лёгкими и умеренно выраженными рас-

стройствами назначают диету и консервативную терапию. Частое дробное питание, исключаящее молочку и сладкое, а также другие продукты, повышающие выработку секрета. Из препаратов назначаются, в зависимости, от особенностей течения заболевания: миотропные спазмолитики, эубиотики, могут быть назначены инфузионная терапия, заместительная энзимотерапия.

– В данном случае можно ли утверждать, что консервативное лечение поможет пациенту?

– Боюсь, что нет. Симптомы болезни говорят, что течение острое или запущенное хроническое. В данном случае требуется хирургическое вмешательство. Оптимальным вариантом для большинства пациентов с этим заболеванием является реконструктивная резекция.

Врач напротив, видимо, остаётся доволен моим ответом.

– Как вас зовут, милая? – спрашивает он.

– Алиса. Алиса Ковалевская.

На мгновение мне кажется, что в его взгляде проскальзывает какой-то интерес.

– Вас ждёт интересное будущее в хирургии, – многозначительно говорит он мне. – Уже не терпится увидеть вас в деле!

В этот момент к нам подбегает медсестра.

– Доктор Богданов, – обращается она к моему собеседнику и начинает что-то жарко шептать ему ухо.

Мужчина слушает внимательно, иногда кивая. А я не могу

отвести от него взгляда.

Доктор Богданов. Отец Антона? Поэтому Антон пропускает сегодня практику? Знает ли его отец, кто я такая? Неужели специально проверял?..

От волнения я чуть не пропускаю момент, когда группа начинает продвигаться дальше.

Доктор Богданов смотрит на зазевавшуюся меня и роняет:
– До свидания, Алиса.

И мне чудится в этой тихой фразе недобрый подтекст.

Дорогие читатели! Закончена наша новая история о женщине, которую из-за бесплодия бросил муж, но она нашла свое новое счастье!

Аннотация:

– Я ухожу.
 Эти слова словно гром среди ясного неба.
 – Как уходишь? – шепчу, сжимая ледяные руки в кулаки. – Почему? С утра же все хорошо было...
 – Это у тебя хорошо, – муж смотрит безучастно. – Но не у меня. Посмотри на себя, в кого превратилась... Ты бездетная, старая... Ничем не напоминаешь мне ту, в которую я когда-то влюбился. А она... У нас с ней ребенок будет.
 – Она?...
 – Да, – прямо смотрит, кажется, все уже давно решил. – Моя любовница. Она беременна от меня.

 После 23 лет брака муж сказал, что уходит от меня в новую, счастливую жизнь. Его избранница молода и беременна... А ещё работает с нами в одной фирме. Мало мне несчастий и

грядущего развода, так ещё и угораздило проснуться в постели с боссом после корпоратива! И, кажется, он рассчитывает на продолжение. Вот только никакого продолжения не будет, ведь он молодой красавчик и бабник, а моё сердце навсегда разбито от предательства...

<https://litnet.com/shrt/Cgot>

Глава 6

Антон

В следующий раз, когда мне звонит Марк, я кажусь самому себе спокойным. Ну да, точно, я совершенно спокоен! А то, что я барабаню карандашом по столу и быстро стучу ногой по полу, это ничего не значит! Совершенно!

– Ну что, ты узнал? – нервно спрашиваю у Марка.

– Эх, старая любовь не ржавеет! – веселится он, и мне хочется положить трубку.

Кажется, приятель чувствует моё раздражение, поэтому меняет свой тон:

– Да ладно, Антох, не кипятись. С характером твоя цаца.

– Что значит – с характером? – рявкаю я, а затем выдыхаю. Радуюсь тому, что Соня всё же уехала в Москву, и не треплет мне нервы своим покорным видом. А я чувствую себя без неё гораздо спокойнее и свободнее. Как говорится, хочу халву ем, хочу – пряники.

– Проблемная, то есть. Из прошлой больницы её вышвырнули, потому что пошла наперекор главному врачу. Не слушала, что говорят, не соблюдала субординацию, вопреки всему сделала операцию ребёнку, не узнав согласие родителей... Ах, да... Вроде как вступила в связь с отцом больного ребёнка...

Если вначале я даже улыбаюсь, понимая, что в этом вся

она, то под конец монолога Марка сжимаю трубку в руках.

– Что значит – вступила в связь? – глухо спрашиваю.

– Ну чё ты как маленький? Спала она с ним, чего непонятного?

Во мне вспыхивает гнев такой силы, что хочется разбить чёртов телефон. Спала...

“Приди в себя. Она ушла от тебя, сбежала, бросила – можно называть это по-разному, но суть одна. И, естественно, всё это время не могла быть одна...”

Я ведь и сам женился. Сука.

– Что-то ещё узнал? – спрашиваю чужим голосом.

– Не вели казнить! – смеётся Марк. – Больше ничего не узнал! Что касается оплаты...

– Скинь номер карты, – бросаю ему и отключаюсь.

Грёбаная сука. Ненавижу её.

От мысли о том, что она позволила кому-то к себе прикоснуться, всё во мне вскипает. Хочется сразу же найти её, прижать к стенке, потребовать ответить на все вопросы, которые мучают меня. Сжать тонкую шейку, почувствовать нежность её кожи, а после...

Со стоном сжимаю руки в кулаки. Член стоит, напряжённый и готовый.

“Это всё из-за перенапряжения. И долго секса у меня не было... Алиса ничего не значит для меня. Ничего”.

И мне почти удаётся себя в этом убедить. Почти.

На следующий день мы сталкиваемся с Алисой. И снова в лифте! Он наверняка проклят так же, как и я.

Тем не менее, мне всё же удаётся натянуть на лицо приветливую улыбку. И даже создать видимость светской беседы получается, пока весь наш разговор не скатывается в банальную перепалку. К концу беседы я киплю от гнева. В голове вновь проносятся слова Марка о том мужчине, её любовнике. Меня подмывает спросить её об этом, но я понимаю, что не имею на это никакого права! Просто брякаю какую-то чушь о безродной девке, отчего Алиса бледнеет и уносится прочь.

А я, как идиот, стою в коридоре и чувствую вину.

Блядь, ну зачем я это сказал? Какой чёрт меня дёрнул?

Тяжело выдыхаю и прислоняюсь к стене, изо всех сил удерживая себя от того, чтобы не побежать за ней.

Она этого не стоит. И я не буду за ней бегать. Не буду.

Вопреки своим же мыслям, я всё время слежу за Алисой. Взгляд, словно намагниченный, так и прикипает к ней. И, кажется, она это ощущает в полной мере. Потому что периодически кидает на меня осторожные взгляды.

Бойтся? Правильно, так и надо.

Когда планёрка подходит к концу, я говорю ей, что буду присутствовать на каждом её приёме. Лицо Алисы вытягивается от ужаса, а испытываю непонятную смесь веселья и досады.

Пусть привыкает к тому, что будет постоянно у меня на виду. Особенно после того, как я услышал про скандал, с которым она ушла с предыдущего места работы. Я, как начальник, обязательно должен проверять каждого своего сотрудника. Тот не только должен быть отличным специалистом, но и человеком, не запятнанным никакими разборками. Поэтому в будущем мне нужно взять на контроль ещё и это...

Выходные проходят в работе. Несколько раз по видео звонит Софья, которой не терпится рассказать о новых приёмах, на которых она побывала. С упоением она объясняет мне, кто и сколько денег пожертвовал на тяжелобольных детей, и я улыбаюсь, чувствуя облегчение.

В такие моменты всё же понимаю, что выбрал для себя правильную профессию. Если спасу хотя бы одного человека, то смогу считать себя хорошим человеком? Или всё так же буду тянуться в бесконечность, чтобы с каждым днём становиться лучше? Не знаю. Вот уже который год проходит в сорековании с самим собой. И я пока не успокоился. И не думаю, что когда-то стану спокойнее на этот счёт.

Софья улыбается, будто чувствуя моё состояние. Она и сама такая же, как я. В этом мы с ней сошлись идеально. Пожалуй, единственный большой плюс, который я нахожу, состоя с ней в браке.

Вот всё в ней идеально. Белая кожа, длинные чёрные волосы обрамляют кукольное личико, на котором никогда не видно злости или обиды. Тонкая фигурка облачена в доро-

гое шелковое платье. Софья прекрасна. А я её не люблю. И даже не хочу.

Вместо этого невольно вспоминаю другое лицо. Вздёрнутый нос, упрямый взгляд карих глаз... Холодные язвительные слова, которые легко срываются с красного чувственного рта... И член снова стоит, блядь, как на параде!

От злости свирепею. Да что это такое?!

– Дорогой, всё в порядке? – обеспокоенно спрашивает Софья, и я хочу послать её к чёрту. Но сдерживаю злые слова на кончике своего языка и выдыхаю:

– День тяжёлый. Столько работы. И столько предстоит ещё сделать...

Мысленно переносусь к Алисе. Как она сейчас проводит время? С кем? Позволяет ли так же тому мужчине обнимать и целовать себя?

Внутри вспыхивает огонь ярости. Он настолько силён, что я не сдерживаюсь и резко бросаю Софье:

– Потом позвоню. Отключаюсь.

Её лицо вытягивается от обиды, но сейчас мне всё равно. Зарываюсь пальцами в волосы, желая выдрать их. Сделать хоть что-то, чтобы привести себя в чувство.

“Она предала меня. Предала! Как я могу её желать?”

Но правда состоит в том, что ещё тогда, несколько лет назад, когда я первый раз увидел Алису, то понял, что у меня нет шансов.

Я сразу осознал – она существует, чтобы быть моей. При-

надлежать мне. И она родит мне детей, краснощеких и пухлых малышей, мальчишек или девочек, это неважно, главное, чтобы на неё были похожи...

Мне было наплевать, что мы из разных сословий, что у неё не слишком благополучная семья. На всё было плевать, лишь бы она была рядом со мной.

И Алиса была. То есть я думал, что была. Но это оказалось иллюзией, которая слишком дорого мне обошлась.

И теперь я снова совершаю эту ошибку. Думаю об Алисе, мечтаю...

Нет, надо заканчивать с этим. С этого дня она для меня – пустое место. Лишь одна из сотен сотрудников, которые находятся в подчинении.

Следующий день ознаменовывается очередной встречей с ней. Стараюсь держаться холодно и отстранённо, и у меня это получается, когда мы встречаемся около лифта.

Ну, как встречаемся. Я стою впереди, а она – позади. Но я почти физически чувствую её присутствие.

Когда дверцы лифта захлопываются и мы остаемся вдвоём, я поворачиваюсь к ней, нависаю, подавляю. Говорю какую-то чушь, кажется, относящуюся к работе...

Тяжело дышу, чувствую, как головка члена упирается в молнию на штанах. Схватить бы Алиску сейчас, навалиться... она меньше меня, хрупкая. Я сильнее, я смог бы сломить её сопротивление.

Заставил бы обвить ногами талию, проник бы в неё пальцами. А тяжёлые груди освободил бы от лифчика, припал бы к вершинам ртом, вспоминая их вкус.

А потом бы трахнул её здесь, прямо в лифте. Грязно, мокро, до едва сдерживаемых стонов и слез на глазах...Ей бы понравилось.

Я ведь до сих пор помню, как ей нравилось.

Я хочу, чтобы Алиса плакала. Хочу, чтобы смотрела только на меня. Любила меня. Хочу трахать её до тех пор, пока она не поверит мне. А когда поверит, то бросить её. Сломать и растоптать. Так же, как и она когда-то поступила со мной.

Едва удерживаюсь от опрометчивого шага. Возможно, Алиса видит моё состояние, поэтому вылетает из лифта словно ошпаренная. И правильно делает.

Остаток дня проходит спокойно. Да, я посещаю приём Алисы, выслушиваю её предложения, делаю свои и, к моему удивлению, мы даже более-менее срабатываемся.

Что-то в словах Марка кажется мне сомнительным, поэтому я задаю наводящие вопросы, мы начинаем спорить, но спор этот Алиса выдерживает блестяще. И в конце концов я убеждаюсь, что слухи про её профессиональную непригодность были преувеличены. Только кому это было нужно? Явно не Марку, который в этом деле человек десятый.

Алиса тоже не говорит мне ничего нового по этому поводу, поэтому я делаю себе мысленную заметку: узнать об этом

поподробнее.

Решаю ассистировать ей на операции, и, услышав об этом, она широко раскрывает глаза. Чувствую себя довольным от того, что смог её удивить, и тут же снова злюсь на себя за это.

Операция проходит удачно. Я отмечаю то, с какой точностью Алиса действует, и не могу не признать, что мне это нравится.

Углубляюсь в работу и не замечаю, как проходит несколько часов. После успешно проведённой операции ощущаю себя котом, объевшимся сметаной. Настроение у меня на высоте, и я произношу:

– Алиса Андреевна, послезавтра отправляетесь со мной на конференцию.

Она застывает, затравленно смотрит на меня, и я наконец вспоминаю, что ненавижу её. Весь флер от операции испаряется в мгновение ока, и я продолжаю уже более деловым тоном:

– Одежда нужна свободная, можете взять с собой пару коктейльных платьев.

– Коктейльных платьев? – эхом откликается она, и я чувствую всплеск глухого раздражения. В самом деле, что за реакция? Как будто я зову её на свидание!

– На конференции будет официальная часть и не официальная. Вы обязаны присутствовать на обеих вместе со мной. Я ясно выразился?

Она молча кивает. Снимает с себя хирургический одно-

разовый халат и тихо отвечает:

– Я поняла.

Мне нравится её покорность. От покладистых ноток в венах вскипает кровь, а фантазия услужливо подкидывает картинки, одна другой жарче: как Алиса покорно опускается на колени, как покорно распахивает свой роскошный рот, как покорно вбирает до самой глотки мою каменную плоть.

Я не святой. И не претендую. И фантазии с покорной Алисой вызывают у меня моментальный каменный, просто железобетонный стояк. Эрекции такой оглушающей силы у меня давно не было. И точно не с реально покорной, терпящей все мои выходки и исполняющей любые прихоти женой.

– Раз поняла, значит, иди и делай свои дела, – тяжело роняю я, пытаюсь избавиться от наваждения.

Она снова кивает и быстрой мышкой убегает. Снова убегает от меня.

И это хорошо. Иначе картинка того, как я с силой вбиваюсь членом ей в рот, превратилась бы в реальность.

Вытираю мокрый лоб и с шумом выдыхаю. Может быть, я зря хочу поехать с ней на конференцию? Зачем мне это? Столько народу хочет быть на месте Алисы, я мог бы выбрать любого другого специалиста...

Да, именно так и сделаю. К чёрту Алису и мои мысли о ней. Нужно сосредоточиться на работе, а не заниматься глупостями.

Так думаю я, когда возвращаюсь в свой кабинет. Так ду-

маю, когда возвращаюсь в пустой номер отеля, когда стою под душем, пытаюсь утихомирить возбуждение...

Так думаю. И, чёрт побери, ничего не делаю для того, чтобы поехать с кем-то другим.

Алиса держит своё обещание. Через пару дней мы приезжаем на конференцию. Для нас арендован шикарный отель с рестораном и теннисным кортом. Но прохладиться нам некогда. Как только моя нога ступает на порог номера, я принимаю душ и нехотая вспоминаю, что номер Алисы по соседству с моим.

“Работа. Я должен думать о работе. Меня не интересует ничего, что связано с этой женщиной”.

И это, конечно же, ложь.

Почти ненавижу себя за то, что слежу за Алисой всю конференцию. Она сидит рядом, наши колени иногда соприкасаются друг с другом, и это невинное касание для меня подобно ожогу.

Она одета в белую блузку и чёрную юбку, край которой доходит почти до середины колена. Закидывает ногу на ногу, а меня пробирает горячей волной по позвоночнику. Шпарит, шпарит так сильно, что я едва удерживаюсь, чтобы не положить ей на колено руку. Ощутить нежность кожи, встать на колени, раздвинуть эти шикарные длинные ноги... Отодвинуть в сторону трусики...

“А если под юбкой у неё нет трусиков?”

Прикусываю костяшку пальца и едва сдерживаю дрожь от

этой мысли. Речь, которая ведётся в зале коллегой, почти не достигает моих ушей. Я весь настроен сейчас на Алису. А мой член, словно флюгер, смотрит лишь в ее сторону.

Сжимаю руки в кулаки. Прикрываю глаза, пытаюсь успокоиться. Напрасно.

Моё больное воображение подкидывает мне несколько картинок того, как языком я вылизываю её возбуждение. Как она позволяет мне ласкать себя. Как я срываю с неё блузку, вытаскиваю тяжёлые набухшие груди и сжимаю их...

– Антон Михайлович? – доносится до меня её обеспокоенный голос.

– Да, Алиса Андреевна, – бормочу, оттягивая галстук. В чёртовом зале так душно...

– Вы в порядке? Покраснели. Хорошо себя чувствуете? Может, давление подскочило?..

Давление подскочило, да. Но совершенно не в том месте. Перевожу взгляд на Алису. Она с неподдельной тревогой смотрит на меня, а я заставляю себя кивнуть.

– Всё нормально. Не отвлекайтесь на меня. Слушайте доклад.

Дальнейшая конференция проходит как в тумане. Я почти счастлив, когда все доклады закончены, и мы уходим.

Я оставляю Алису позади, потому что мне просто необходимо остаться одному. Врываюсь в номер, запираюсь в ванной и яростно дрочу под душем. Представляя влажную горячую Алису. Ох, как бы грязно я её трахнул... Как бы она

умоляла меня! Я бы попробовал все её дырочки. И она больше бы никогда не посмотрела ни на кого другого!

Оргазм бритвенным лезвием проходится вдоль позвоночника, и я падаю на колени. Перед глазами в какой-то момент меркнет белый свет. Пытаюсь отдышаться и прийти в себя.

“Это пройдёт. Эта похоть не имеет надо мной власти”.

Выхожу из душа, чувствуя, что более крепко стою на ногах. Теперь я могу бороться со своей странной одержимостью. Теперь, возможно, мой разум очистился от мыслей об Алисе.

Ближе к вечеру надеваю смокинг, звоню Софье, мы перекидываемся парочкой дежурных фраз, и я, отключившись, выхожу из номера с чувством собственного превосходства.

“Я смогу преодолеть это наваждение. Смогу”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.